

INSPIRIA

Убийство во времени

Джонни
Мак Инвент

INSPIRIA

Universum. Магия лжецов: фэнтези-детектив

Джули МакЭлвен

Убийство во времени

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

МакЭлвен Д.

Убийство во времени / Д. МакЭлвен — «Эксмо»,
2016 — (Universum. Магия лжецов: фэнтези-детектив)

ISBN 978-5-04-116399-0

Как искать серийного убийцу в XIX веке, если этот термин еще даже не придумали? Джули МакЭлвен блестяще отвечает на этот вопрос, отправляя Кендру Донован, спецагента ФБР из XXI века, в прошлое. Этот роман, сочетающий в себе элементы детектива, фэнтези и романтики, словно заманивает читателя в кроличью нору — как только начинаешь читать, уже не можешь остановиться. Кендра Донован — восходящая звезда ФБР. Но на карьерной лестнице она спотыкается и чудом выживает, когда предатель убивает половину ее команды. Как только Кендра встает на ноги, ее единственной целью становится "крыса". Поиск приводит в Англию. в старинный замок Элридж. План безупречен, и, кажется, Кендра вот-вот загонит преступника в угол. Но тут - осечка, и на Кендру обрушивается темнота. Очнется она не скоро. Вернее, давно уже очнулась — в 1815 году, где орудует свой жестокий убийца. Но как его искать, если в XIX веке Кендра может рассчитывать только на положение горничной? Лишенной привычных инструментов, ей придется пользоваться исключительно холодной логикой, чтобы раскрыть преступление и навести порядок в пространственно-временном континууме.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116399-0

© МакЭлвен Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	7
1	11
2	16
3	23
4	33
5	38
6	42
7	52
8	61
9	69
10	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джули МакЭлвен

Убийство во времени

*Посвящается моей маме,
лучшей из известных мне женщин.*

*И в память о моем папе,
который до сих пор меня вдохновляет.*

Julie McElwain
A MURDER IN TIME
Copyright © 2016 by Julie McElwain

© Смирнова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Август 1815

Он был в аду.

Огонь факелов бросал дьявольские тени на каменистые стены пещеры, теплые желтые и оранжевые блики играли на примитивных орнаментах и фресках. Маслянистый дым, поднимающийся от факелов, извивался, клубился и полз большими черными змеями под потолок.

Это зрелище было ему по душе.

Обстановка напоминала пещеры Уэст-Уикома, излюбленное место сэра Фрэнсиса Дэшвуда и его печально известного «Клуба Адского Пламени». Как и те пещеры, эти залы, находящиеся на глубине 35 футов под землей, были вырыты древними людьми, отчаянно желавшими добыть камень в известняковых месторождениях для изготовления своих орудий и инструментов. Позже кто-то обустроил в этом гористом помещении две комнаты. По его догадкам, это сделали паписты во времена правления Доброй королевы Бесс. После того как она объявила католицизм актом предательства, семьи, которые хотели по-прежнему соблюдать каноны своей веры, были вынуждены уйти в подполье – иногда, как в случае с этим залом, в прямом смысле, – страшась охотников за священнослужителями и разоблачения, которое могло стоить им и состояния, и жизни.

Конечно, он не мог доказать, что эти пещеры использовались именно для этого – тут не было найдено ни единой религиозной реликвии, – но его забавляло представлять себе молящихся здесь верующих.

Его забавляло превращать благочестивое в богопротивное.

Он улыбнулся уголками губ при мысли о каменщиках и плотниках, которых он нанял в Лондоне пять лет назад для этого дела. Они думали, что он был не в себе. Он видел, как их глаза округлялись, когда он описывал им некоторые наиболее яркие детали в задуманных им особым образом фризах. Он видел их шок. И что-то еще...

Воодушевление.

Они не могли обмануть его ожидания, даже если для этого нужно было обмануть себя.

Дураки. Он отказался себе лгать. Он знал, кем он является. Он знал, *что* он собой представляет.

Но все же у него было нечто общее с папистами. Он, как и они, не мог рисковать, чтобы его обличили. Он знал, что, если обнажатся его темные помыслы, которые будоражили его плоть и пронзали ее, как стрелы, причиняя одновременно и удовольствие, и боль, общество назовет его монстром.

Лицемеры.

Его это злило. Он чувствовал, как его кровь закипает от ярости, но ему и это удавалось скрыть.

Он вдруг резко встал, быстрое движение заставило темную бархатную накидку черной дымкой хлопнуть его по ногам, словно пару крыльев. Ему бы это зрелище тоже пришлось по душе, если бы он обратил на него внимание. Однако он выбрал эту накидку на шелковой подкладке не из-за ее внешнего вида, а за ее теплоту. Не важно, сколько было зажжено кострищ и факелов: рассеять леденящую промозглость подземных катакомб не удавалось.

Вино, конечно, помогало.

Его парни неизменно пили, начиная с вечера, их лица были багровыми от бордо, от холода, и от предвкушения того, что он им обещал. Когда он встал, они направили свои взгляды на него. В их расширенных зрачках он увидел тоненькие языки пламени от свечей и факелов вокруг.

Почти что непринужденно он поднял чашу, инкрустированную драгоценными камнями, смерив взглядом двенадцать апостолов, которых он выбрал для своего закрытого клуба.

Такие молодые. Такие нетерпеливые. Такие восхитительно порочные.

– Терпение, мои братья, – приказал он и подумал вскользь, к себе или к ним он обращается.

Мужчины засмеялись в знак одобрения и повторили его жест, подняв свои золотые и серебряные чаши, блекло вспыхнувшие в мерцающем свете зала, и затем жадно выпили. Вино уже лишило двух молодых щенков присущего им изящества. С едва заметной холодной улыбкой он смотрел, как они жадно глотают красное вино, не обращая внимания на то, что оно льется тонкими струйками по их подбородкам, обагрывая шейные платки, словно кровь.

Пока он размышлял, надолго ли их еще хватит, какой-то звук – шарканье ног, мягкая поступь по твердому камню – привлек его внимание. Апостолы тоже услышали этот звук и один за другим притихли. На долю секунды пробирающий до костей воздух, тяжелый от запаха воска и дыма, земли и соленой воды, казалось, загудел от ожидания и необычайного радостного возбуждения.

Сначала появились тени, отскакивавшие от стен в зловещем искажении. Затем вслед за верным слугой за угол завернули женщины, которых он вел в бездну. Их темные мантии с капюшоном на вид походили на мантии его апостолов, пусть их бархатная ткань и была дешевле.

Изначально он хотел приказать женщинам одеться монашками, по аналогии с тем, как того требовал Дэшвуд в своем «Клубе Адского Пламени» более шестидесяти лет назад. Ведь в случае с пещерами он вдохновлялся как раз закрытым обществом сэра Фрэнсиса, которое взбудоражило Англию до самого ее безбожного основания. Но, так как «Клуб Адского Пламени» послужил погибелью слишком многим, он решил выбрать более осторожный путь.

Присутствующие мужчины думали, что это всего лишь игра, вроде безобидной оргии в пику строгим правилам, которых им приходилось придерживаться, в пику своему происхождению, которое было одновременно счастьем и проклятием. Они не замечали дикого голода внутри его, его отчаянного желания удовлетворить свою жажду.

Возгласы женщин, пораженных залом в пещере, быстро перешли в нервные кокетливые смешки. Некоторые из них пытались принимать конкретные позы в свете огней, чтобы продемонстрировать свои прелести, несмотря на скрывающие их плащи, которые девушек попросили надеть.

Его рот сжался от раздражения. Вот что получается, когда нанимаешь шлюх. Он проинструктировал их и просил вести себя невинно, но, похоже, такое поведение было им чуждо.

Кроме малышки.

Удовлетворение ослабило его гнев, когда он посмотрел на нее. Он потратил несколько недель на поиски девушек в борделях Лондона для этой авантюры. С помощью своего агента он отобрал тринадцать проституток. Лидия была единственной, которую он выбрал для себя.

Она была молода, вероятно, не старше пятнадцати лет. И, в отличие от остальных, она была свежа. Благодаря темным кудряшкам и кукольному лицу она излучала молодость и невинность.

Это, конечно, был обман. Но в ее глазах не было столько пресыщенности, как в глазах остальных шлюх, и это ему нравилось.

Он поставил чашу на длинный стол из сосны и подошел к ней. Благодаря небольшому росту ее было легко отличить от остальных, несмотря на схожесть женских фигур в плащах. Ее лицо было едва различимо в тени капюшона, но он уловил нервный взгляд ее бегающих глаз. Когда она увидела его, на ее лице промелькнуло выражение узнавания, улыбка всколыхнула ее мило очерченные губы. Ее щеки вспыхнули от удовольствия, когда он протянул руку и схватил ее тонкое запястье.

Ее радостная улыбка превратилась в удивленную гримасу, когда он потащил ее по пещере к узкому проходу, ведущему в извилистый коридор. Резко остановившись – так резко, что девушка врезалась в него, – он вернулся в зал и поднял руку.

– Делайте что желаете, – процитировал он еще раз сэра Фрэнсиса. Его рот скривился в холодном удовлетворении, когда его апостолы немедленно накинулись на блудниц и зал наполнился довольным смехом и возбужденными криками. Искривленные тени танцевали на стенах пещеры. Игра началась.

Вернувшись в коридор, он вцепился руками в тонкое запястье шлюхи и дернул ее за собой, не смотря ей в лицо, и ринулся в глубь тоннеля. Ей пришлось бежать, а иначе он бы потащил ее по земле.

– Милорд... – только и смогла она произнести срывающимся голосом. Похоже, он ее не слышал, и ей оставалось только попевать за его широкими шагами, капюшон ее мантии при этом спал на плечи, темные кудряшки рассыпались в беспорядке и упали на симпатичное личико.

В самом конце коридора виднелась грубо отесанная сосновая дверь. Он остановился, отпустив девушку, чтобы достать ключ из кармана. Он с усилием отворил дверь и пригласил ее внутрь учтивым жестом, который должен был заставить ее сердце биться чаще. Игриво улынувшись и вздернув голову, Лидия переступила порог, и он увидел, как ее жеманная изысканность испарилась, когда ее взгляд упал на подготовленную кровать с балдахинном и блестящими красными шелковыми простынями. Посреди комнаты стоял стол, украшенный по меньшей мере двадцатью свечами из пчелиного воска. Помимо их запаха можно было различить другие... блуда и чего-то еще... чего-то едва уловимого.

– Ого. Вот это великолепиие, – прошептала она, развязывая узел на его горле, в то время как теплая накидка, которую ей вручили для ночных утех, сползла на ее тонкие плечи и наконец упала на твердый каменный пол. Он закрыл дверь и начал методично снимать свою мантию и одежду, бросил их в кучу и пошел за ней полностью раздетым. Он уже возбудился.

Лидия изобразила улыбку, которая неизменно привлекала проходимцев, посещавших заведение Мадам. Ее улыбка, однако, исчезла, когда он настиг ее и, взявшись за края муслинового платья, разорвал его на две части быстрым грубым движением. Прежде чем она смогла возмутиться по поводу своей потери, он порвал ее хлопковую рубашку и маленький корсет на ее теле и поднес ее к кровати.

– Прелестно... как прелестно, – его дыхание обдало ее тело жаром, когда он обрушил ее на пуховый матрас. Сковывая ее нежные запястья над ее головой одной рукой, он целовал ее, спускаясь ниже по тонкому белому горлу к маленькой груди. Забыв о платье, она сдавалась под чувственным натиском, наслаждаясь прикосновениями его рта и языка. С ее губ сорвался тихий вздох, когда она начала мечтать о будущем, которое уже не было связано с мадам Дюпрей. Будущем вдали от этих толстых потных стариков, которые приходили смотреть на нее в академию.

Покинуть дом на Бекон-стрит, получить свое собственное жилье...

– *Было бы чудно...*

Жгучая боль была так неожиданна, что она не смогла полностью осознать ее, даже когда ее тело дернулось в ответ. Закричав, она резко открыла удивленные глаза и встретилась взглядом с мужчиной, когда он поднял голову. Ужас сковал ее, когда она увидела яркие пятна крови на его губах.

Даже в этот момент ей потребовалось время, чтобы связать это со жгучей мучительной пульсацией в ее левой груди.

Ее глаза опустились вниз. Она почувствовала потрясение от ужаса и страха, когда увидела рану.

Она закричала.

Его глаза ярко блеснули, его лицо покрыла зловещая тень, когда он навис над ней. Свободной рукой он резко потянулся к ее горлу, обхватил тонкую шею, заглушив пронзительный крик. Он давил все сильнее. Острая боль в ее груди сменилась удушьем. Она лихорадочно пыталась освободиться из железной хватки. Пока она брыкалась и извивалась всем телом, ее легкие начали гореть, зрение затуманивалось. Язык будто опухал во рту, душа ее еще больше.

В тот момент, когда она думала, что ее горло взорвется, давление ослабло. Кашляя и задыхаясь, она жадно глотала ароматный воздух. И тут она поняла, что это за запах стоял в комнате. Это осознание поразило ее, как ослепительная вспышка.

Кровь.

Дьявольские губы гладили ее ухо.

– Это будет не так просто, моя сладкая, – прошептал он вкрадчивым голосом, придвигаясь к ней ближе. Близко-близко. Его пот смешался с ее кровью. – Я с тобой еще не закончил.

Он потянулся за чем-то над ней, и, несмотря на то что ее сердце оглушительно стучало в ушах от страха, она различила ясный звон металла. Затем холодный укус стали пронзил ее плоть.

Ее глаза расширились, и пробирающий до костей ужас, наполнивший ее, заставил ее отчаянно молить о забвении, которое к ней так и не пришло. Потому что теперь она знала, что это было не ложе блаженства с мерцающими свечами и красивой кроватью.

Раздалось сдавленное всхлипывание.

Это все-таки был не рай.

1

Наше время

– Ты уверена в этом? *Точно уверена?* Мы наконец нашли этого сукина сына?

Тревога, темная и скользкая, как пролитое масло, просочилась в сердце Кендры. Она не обращала внимания на это чувство, списывая его на дюжину пар глаз, прикованных к ней в этот момент.

И это были не просто глаза. Три пары этих глаз принадлежали заместителям директоров или вторым заместителям директоров настоящего алфавитного супа из агентств: ЦРУ, АНБ и ее родного ФБР, включая высокопоставленного чиновника из Национальной администрации по безопасности, которая была образована после атаки одиннадцатого сентября для координации контртеррористической, контрразведывательной и разведывательной деятельности. Другие члены специальной рабочей группы были агентами вроде нее, хотя она была единственной женщиной в помещении. Что делало ее одновременно и исключением, и изгоем – как посмотреть. Она предпочитала не иметь своего мнения на этот счет.

– Это Балакирев, – Кендра пыталась говорить спокойно и уверенно, хотя она чувствовала, как эти глаза давят на нее, и ощущала это давление физически. – Нам удалось отследить его IP-адрес, после того как мы тайно использовали интернет-аккаунт одного его клиента.

– Это было не просто, – подключился спецагент Дэниэл Шеппард. Его обычно неэмоциональные черты изображали непривычное возбуждение. – Ловкий ублюдок глушил сигнал по всему миру.

Дэниэл был прирожденным компьютерным гиком и великолепно использовал свои навыки внутри Команды Кибер-реагирования ФБР. Обычно он был ответственен за поиск зловредных компьютерных хакеров по всему миру. Ему впервые поручили отследить известного террориста.

– Но Кендра, то есть спецагент Донован, создала совершенно гениальную программу, – продолжил Дэниэл, посылая женщине, стоявшей за ним, полный восхищения взгляд. – Она проанализировала его предыдущие схемы, позволив нам осуществить качественный *рывок*, нежели просто поймать сигнал.

– Понимаю. – Питер Карсон, заместитель директора нью-йоркского офиса ФБР, быстро поднял голову, демонстрируя нетерпение и явное нежелание слушать занудный поток технической речи, который должен был последовать. Карсон не был компьютерным гиком. Его не интересовал Интернет, разве что для того, чтобы надрать задницу некоего Влада Балакирева, бывшего агента КГБ, который стал торговцем смертью.

Карсон пытался поймать этого русского уже более года, с тех пор как АНБ включилось в это дело, связав его с какой-то террористической группировкой «Аль-Каиды», которая, по слухам, готовилась к созданию ячейки в Нью-Йорке. Они сформировали элитную рабочую группу из представителей разных агентств, чтобы выследить Балакирева. И они дважды были чертовски близки к этому: первый раз – в Иордании, и затем, двумя месяцами позже, – в Испании. Но ему удалось сбежать. Попутно устранив пятерых их спецагентов.

Им пришлось это проглотить, но ничто не шло в сравнение с ужасом, охватившим все нутро Карсона, когда он получил разведанные о том, что месяц назад Балакирев проник в США с запасом химического оружия на продажу. В частности, с рицином, смертельным химикатом, которому отдавал предпочтение некогда родной Балакиреву КГБ. После *таких* новостей Карсон не переставая жевал желудочные таблетки, как конфеты.

– Я хочу быть уверен, абсолютно, черт возьми, уверен, что это Балакирев, – произнес он сейчас, вспомнив бездарную миссию в Испании. Как вообще русский смог проскользнуть

сквозь расставленные ими сети? Он пытался забыть об этом и устремил свой взгляд на Кедру Донован.

Он испытывал брезгливые чувства от того, что ему приходится иметь с ней дело, но умело скрывал это. Это было его решением выдернуть ее из отдела поведенческого анализа ФБР восемь месяцев назад, где она использовала свои навыки в области профайлинга и компьютерной грамотности для работы над самыми жестокими случаями серийных убийств в стране. Однако при личной встрече с ней его немного передернуло. Он списывал это на ее возраст – право, всего двадцать шесть лет. Но он прочитал ее досье, он знал, кто она такая. Черт, он знал, *что* она собой представляет. Отпрыск двух ученых, сторонников евгеники, вундеркинд. Поступила в Принстон, когда ей исполнилось четырнадцать. К восемнадцати годам она получила диплом по продвинутой информатике, психологии и криминологии. Неудивительно, что Бюро так сильно хотело включить ее в свои ряды, что обошло свое собственное правило о возрастном цензе в двадцать три года, чтобы ее заполучить. Кендра Донован была способным агентом, Карсон знал об этом.

Но даже при этом было чертовски неудобно обсуждать тактические операции с кем-то, кто связывает волосы в небрежный конский хвост. Феминистки могут идти к черту, Карсон был достаточно стар, и, да, достаточно старомоден, и верил, что женщина, особенно женщина, выглядящая, как Кендра, в чисто мужской команде неизбежно приводит к несчастьям. Но если Кендра нашла Балакирева, он готов целовать ступни всех феминисток на свете. Будь он проклят, если это не так.

– Это Балакирев, – Кендра была рада, что ее голос успокоился и не выдавал волнение. – Мы отследили сигнал до склада в Бруклине. – Она немного медлила, ее глаза, темные, как оникс, казались непроницаемыми. Она продолжала смотреть на Карсона, несмотря на то что хотела взглянуть на мужчину в другом конце комнаты. – Склад принадлежит «Беркшае Лимитид». Это фиктивная компания «И.Ви. Инкорпорейтед», которая, в свою очередь, является подконтрольной компании «Гринвей Интернэшнл».

Она задержала дыхание. Это произвело эффект взорвавшейся бомбы.

– «Гринвей Интернэшнл»? – не удержался Брэдли Томпсон, второй заместитель директора ЦРУ. Он резко дернулся вперед на своем стуле. – Вы говорите о сэре Джереми Грине?

– Да, сэр.

Томпсон бросил взгляд на Карсона и спросил:

– Ты же знаешь, кто это?

Карсон резко ошетинился, так как именно Томпсон был самой большой занозой с тех пор, как им пришлось работать вместе, разумеется, в духе товарищеского сотрудничества между агентствами. Несмотря на то что Вашингтон обеспечил ему руководящую позицию, это решение не остановило Томпсона, этого высокомерного ублюдка, от попыток отстаивать свой авторитет при каждой удобной возможности.

– Я читаю газеты, – раздражительно выпалил Карсон.

– Тебе бы следовало читать отчеты, которые мы пишем на него, – парировал Томпсон. – Самое чистое, связанное с ним, – это его костюмы с Сэвил Роу¹.

Балакирев был темной лошадкой в подпольном мире торговли оружием и наркотиками, но Кендра знала, что Грин был из совсем другой лиги. Этот британец украшал страницы бизнес-изданий и светской хроники. Он с детства купался в деньгах и сколотил еще более внушительное состояние, повзрослев. Двадцать лет назад его посвятили в рыцари. Его приглашали на ужин в Белый дом, он спал в спальне Линкольна. Общественность наверняка думала, что такие привилегии причитаются только хорошим парням. На самом же деле это всего лишь означало,

¹ Улица в Лондоне, известная большой концентрацией дорогих ателье, предлагающих пошив традиционных мужских костюмов (*прим. пер.*).

что он был политически смышлен и умен. А его связи не спасли его от тщательной проверки ЦРУ, израильской разведкой, Интерполом и даже британским МИ5.

– Его подозревали в отмывании денег, торговле наркотиками, работорговле и... – Томпсон добавил многозначительно: – Контрабанде оружием.

Карсон сжал губы и возразил:

– Наша цель – Балакирев.

– Не тупи, – огрызнулся Томпсон. – Грин меняет все. Он *большая* рыба. Вашингтон захочет поймать его на крючок.

Между двумя мужчинами никогда не существовало приязни, однако скрытая агрессия Томпсона прорывалась даже через маску профессиональной вежливости. Сам воздух в переговорной, казалось, заискрился, в помещении воцарилась напряженная атмосфера враждебности.

Кендра наблюдала, как мужчины меняют свои позиции. Те, кто еще сидел, резко вскочили на ноги. Агенты ФБР придвинулись к Карсону, в то время как агенты ЦРУ примкнули к Томпсону, как две стаи собак, меряющие друг друга взглядами и готовые драться за свою территорию. Представители АНБ и Национальной администрации по безопасности сделали шаг назад, дистанцируясь от предстоящего столкновения.

В этом протывоборстве им отводилась роль Швейцарии.

«А мне – идиотки», – подумала Кендра с оттенком сухой иронии и встала между этими двумя сильными врагами.

– Мы можем поймать и Балакирева, и Грина. – Этот жест снова превратил ее в объект всеобщего внимания. На этот раз, правда, дела обстояли хуже, потому что по крайней мере одна пара глаз смотрела на нее с гневом, и она принадлежала ее боссу.

– Что вы такое говорите, агент Донован? – возмутился Карсон. Холод в его голосе заставил ее вздрогнуть.

– Когда я поняла, что склад, которым пользуется Балакирев, принадлежит сэру Джереми, я взяла на себя смелость и отследила его местонахождение. Он...

– Зачем? – Карсон прервал ее, его глаза горели раздражением и подозрением.

Его вопрос смутил ее на минуту. Придя в себя, она сказала:

– Я узнала его имя из агентского доклада, который я до этого читала. – Вообще-то, она прочитала доклад одиннадцать месяцев назад, но память никогда ее не подводила. Пусть она и не обладала фотографической памятью, но была близка к этому. – Вчера был зарегистрирован вылет Грина из Хитроу. Его частный самолет приземлился сегодня утром в три часа в международном аэропорту Нью-Йорка. Его забрал лимузин и отвез в пентхаус на Парк-авеню.

Томпсон уставился на нее и выпалил:

– Грин в Нью-Йорке?

Карсон нахмурился:

– Он никак не связан с нашим делом, нашей целью остается *Балакирев*.

Карсону не нужно было делать ударение на этой русской фамилии, она и так поняла, что он ее предупреждает. Боже, наверное, примерно такие чувства охватывают, когда находишься посреди минного поля. Ее мутило. Один неверный шаг...

– Грин должен быть сегодня на своем складе в Бруклине в четыре часа дня.

Томпсон затаил дыхание. Он выглядел как человек, который только что обрел бога.

– Как вы об этом узнали?

– Он пользуется смартфоном.

Карсон не смотрел на нее так, будто обрел бога, он был вне себя от гнева. Однако на этой фразе он фыркнул:

– Довольно глупо для такого умного парня, как он. – Даже он знал, что беспроводная связь вне зависимости от количества мер безопасности может позволить просочиться личным данным. Особенно если за дело брался кто-то вроде Кендры.

– Не глупо, самонадеянно, – поправила его Кендра.

Воцарилось короткое тяжелое молчание. Томпсон бросил на нее оценивающий взгляд, далеко не первый за восемь месяцев, потом снова обратил свое внимание на Карсона.

– Если мы запишем, как Грин общается с известным террористом, это будет настоящая бомба. Если мы сможем его поймать, мы сможем накрыть не только операцию Балакирева, но и сотни таких же. Он нам нужен живым.

Он не дождался ответа и достал свой мобильный. Когда он отошел в дальний конец переговорной, агенты ЦРУ с каменными лицами последовали за своим лидером.

Карсон скрежетал зубами. Дипломатичность, возможно, и была сейчас кредо Вашингтона, но он знал, что Томпсон прямо-таки пускает слюни на эту операцию. *Ego* операцию.

Он развернулся к своим агентам:

– Если мы собираемся схватить их обоих, нам нужно действовать быстро. Шепард, достань мне план этого склада. Мне нужна планировка, охрана. Две команды плюс ФБР, полицейский спецназ. Донован, работай с Отделом опасных веществ. – Он отошел в сторону, шагая в сторону двери, и бросил яростный взгляд на Томпсона: – Я позвоню Лэнгли.

«Нет, – подумала Кендра. – Они не могут держать меня подальше от передовой, когда эта операция наконец началась».

Она помчалась за Карсоном.

– Сэр? Сэр?

Карсон нетерпеливо посмотрел на нее:

– Если вы не поняли, спецгент Донован, у нас мало времени.

– Да, сэр. Я хочу участвовать в финальной фазе операции. – Кендра не отрывала свой взгляд от его глаз. – Я не компьютерный гик, – напомнила она ему, и ей снова при этом пришлось прикладывать усилия, чтобы ее голос звучал ровно. Но она устала, чертовски устала доказывать свою состоятельность. Когда она впервые пришла в ФБР, они взглянули на нее и сразу же посадили за стол. Она отчаянно боролась за место на заданиях. Чтобы показать, на что она способна. Это был шанс, чтобы к ней начали относиться как ко всем остальным.

Да, будто она была как все.

Ее живот скрутило, но она не хотела отводить взгляд от хмурящегося заместителя директора.

– Меня готовили к работе на местности, я была на местности, – отметила она. – Вам это известно. Вы знаете, я могу постоять за себя.

– У меня на это нет времени, – огрызнулся Карсон.

– Она выследила Грина... и Балакирева, – Томпсон, стоявший у окна, достал из кармана мобильный и шагнул по направлению к ним. Что-то в его осанке говорило, что ему было наплевать, отправится ли на миссию женщина или нет, ему просто нравилось бесить Карсона. – Мы теряем время. Пусть ты тут и главный, – несмотря на все его старания, раздражение прорывалось наружу, он считал, что давать полномочия чертову ФБР – это бюрократическая чушь, – но нам нужно покончить с этим. *Сегодня*. Если не сможешь, ФБР может поцеловать мой зад, потому что я не дам тебе все запороть.

Он протолкнулся мимо них, исчезнув за дверью. Три агента ЦРУ последовали за ним. Они были слишком хорошо вышколены, чтобы ухмыляться, но по блеску их глаз Кендре показалось, что они все же ухмыляются.

Карсон свирепо смотрел на удаляющихся мужчин. Чертовы ботаны. Затем его взгляд перекинулся на Кендру. Томпсон был прав, хоть он скорее съест свои ногти, чем признает это: они теряли время.

– Хорошо, – выплюнул он. За последние восемь месяцев он понял наверняка одно: Кендра могла постоять за себя. Она была рождена, чтобы побеждать. На самом деле.

– Сэр?

Карсон прищурился при виде Шеппарда:

– Что такое, агент?

– Ну, я компьютерный гик... но я тоже хотел бы быть частью финальной фазы операции. У меня был опыт на местности.

– Черт, у меня нет на это *времени!* – рявкнул Карсон. – Хорошо, мы *все* участвуем в финальной фазе. Счастливы? А теперь мне нужны эти чертовы планы! У нас пять часов, чтобы завершить эту операцию. Нам нужна вся информация по этому складу, чтобы поймать Грина и наконец схватить этого чертова Балакирева. Никто не должен покидать это здание. Никто не должен *мочиться* без моего разрешения. Мне нужен Балакирев до захода солнца, или *ваши* задницы будут следующими.

Кендре хватило осторожности сдержать улыбку, но она чувствовала триумф. Она победила.

Если бы она знала, как ошибалась.

2

С числом жителей, немного превышающим 2,6 миллиона, Бруклин был самым густонаселенным районом Нью-Йорка. Но, несмотря на это, там было несколько изолированных зон, которые создавали пугающее ощущение пустоты внутри большого бурлящего города. Склад, в котором Балакирев разместил свою базу и которым владел сэр Джереми, был одной из таких зон, расположенных слишком далеко от дорогой прибрежной недвижимости, чтобы привлечь девелоперов и заставить их очистить этот район и поставить тут престижные многоквартирные дома и лофты, милые маленькие магазинчики и приятные рестораны.

Здесь было по-прежнему серо и тускло. Под полоской пасмурного неба сооружения, похожие на бункеры, и пятиэтажки выстроились рядами на грязных улицах. Рядом с отгрузочным доком склада была припаркована горстка фур, но было воскресенье, поэтому обычно оживленное движение было сведено к нескольким уставшим душам, которые мечтали уже отметить свое время ухода с работы, добраться домой и, наверное, открыть пиво и гонять балду перед каким-нибудь шоу по телевидению. Благодаря Команде 1 периметр вокруг цели был расчищен.

Кендра следила за происходящим из «Бэтмобиля», военного фургона, напичканного техническими новинками, который могло себе позволить только американское правительство. Кендра представляла, что на расстоянии менее мили от них город пульсирует жизнью, бурлящей и необыкновенно хаотичной; люди гуляют, общаются, пьют вечерний кофе или уже ужинают в маленьких ресторанчиках, которыми усеяны улицы.

Как и должно быть.

Лишь на секунду внутри Кендры возникла тоска. Ее это потрясло. Или, точнее, само желание *быть нормальной* потрясло ее. Норма – это то, чего у нее никогда не было, к чему она никогда не имела отношения. И не знала, каково это. И так как она не знала, как быть нормальной, она решила быть хорошей, очень-очень хорошей.

– Нервничаешь?

Она посмотрела на Шеппарда, который весь сжался рядом с ней. Он выглядел иначе, одетый, как и все они, в черную военную бронекуртку, шлем и боевые перчатки, вооруженный табельным «ЗИГ Зауэром». До этого момента самым смертоносным предметом, которые она когда-либо видела в руках Шеппарда, была компьютерная мышь. Хотя после восьми месяцев работы бок о бок с ним и наблюдений за его охотой в киберпространстве Кендра поняла, что Шеппард с компьютерной мышью в руке может нанести вполне себе смертельный удар.

Она едва заметно улыбнулась:

– Нет, а ты?

– Черт, да. Я за шесть лет ни разу не участвовал в операциях.

– Зачем же ты тогда пошел?

Он ухмыльнулся, подмигнув своими голубыми глазами:

– Может, я хотел увидеть тебя в действии. Увидеть, о чем это все говорят.

Это шутка. Она знала это. Но внутри у нее все сжалось.

– Просто держи свою задницу подальше от меня, Шеппард, – ухмыльнулся Аллан О’Брайан, самый молодой парень в рабочей группе. Он подмигнул Кендре. – Я не хочу, чтобы какой-то новичок все запарол. Балакирев *мой*.

– Хрен тебе, – ответил ему Терри Лэндон. – Я лидер команды. Двадцатку на то, что я буду первым, кто засадет в него пулю?

Шеппард построил гримасу и покачал головой:

– Вы, парни, такие придурки, делаете ставки на человеческую жизнь.

– Он не человек, он чертов террорист, – прорычал Билл Нун.

- Увеличь до пятидесяти, и ты в деле, – оскалился О’Брайан.
- Помните, Грин нам нужен живым, – напомнила им Кендра.
- Это *Томпсон* он нужен живым, – усмехнулся О’Брайан.
- К черту Томпсона, – сказал Нун, и несколько мужчин при этом захохотали. – Это операция не ЦРУ.
- Пятьдесят на то, что я буду первым, кто засадит *нелетальные* пули в обоих ублюдков, – поправился Лэндон.
- Еще пятьдесят, *и* я пойду на свидание с Кендрой, – Нун посмотрел на нее с кривой похотливой усмешкой. Было не важно, что он в свои сорок девять годился ей в отцы и был к тому же еще женат.
- Она наградила его холодным взглядом:
- Забавно. Не помню, чтобы я заносила свое имя в аукционный блок, Нун.
- Да ладно тебе, дорогуша. Всем нужен стимул.
- Кендра специально подняла руку, в которой держала «ЗИГ Зауэр», покачала его, как перышко, и сказала:
- Какой же стимул тебе нужен?
- Нун засмеялся, вскинув руки наверх:
- Мама говорила мне никогда не спорить с женщиной, у которой в руке пистолет или чертов пулемет.
- Мудрая женщина.
- Вы понимаете, что, если эта операция пойдет не так, нам крышка? – вдруг выпалил Шепард, посмотрев по очереди на каждого. – Рабочую группу расформируют.
- И больше никакой еды навynos в субботу вечером, – сказал О’Брайан. – Без обид, но единственная кружка, по которой я буду скучать, – это кружка Кендры.
- Готов поспорить, твоя жена обрадуется, если это все закончится, – сказал Нун.
- Лэндон потянулся и ухмыльнулся:
- Когда все закончится, я буду отмечать это на пляже где-нибудь на Карибских островах. Флиртуя с горячими девочками с островов и попивая ром из чертова кокоса.
- Оу, а как же твоя жена, Терри? – засмеялся О’Брайан.
- Она может и дома посидеть.
- Боковая дверь фургона отъехала, и Карсон протиснулся в узкое пространство. Как и на остальной части команды, на нем была военная форма, хотя он всего лишь контролировал операцию из фургона с технической командой из пяти человек.
- Мы засекли, как Грин говорит о ризине с Балакиревым, – проинформировал он их, пытаясь звучать нейтрально, хотя явно хотел потирать руки от удовольствия. – На складе засекли двадцать одного человека. Мы установили, что Балакирев и Грин среди четырех людей в комнате вверх по лестнице. Другие двое с ними – скорее всего, телохранители Грина. Спецназ пойдет первым, но Вашингтон хочет, чтобы ублюдок остался жив.
- Какой ублюдок?
- Грин, черт его возьми. Вашингтон, кажется, думает, что парень с деньгами опаснее всего, – сказал он.
- Вашингтон хочет припугнуть его, – прокомментировала Кендра, но сразу же пожалела, что открыла рот, когда Карсон нахмурился.
- Если мне понадобится ваше экспертное мнение по поводу планов Вашингтона, я вас спрошу, агент Донован, – рявкнул он.
- Да, сэр.
- Хм... а есть ли следы присутствия ризина на складе? – спросил О’Брайан.
- Карсон покачал головой:

– Нет. Но вас снабдят масками для автономного дыхания, которые вас защитят, если его распылят. У нас тут еще весь Отдел опасных веществ и медблоки, на всякий случай.

– Они хотят продавать рицин, – сказала Кендра. – Это означает, что он, скорее всего, в виде гранул или порошка. То есть, если не будете брать ничего в рот, с вами все будет в порядке.

Она хотела их подбодрить, но О’Брайан нахмурился:

– А если ты ошибаешься?

– Если я ошибаюсь... тогда добирайтесь как можно скорее до команды Отдела опасных веществ. Снимите одежду, помойтесь... – Ее голос замер. Она не хотела им напоминать, что антидота при отравлении рицином не существует. Если им не повезет и они получают дозу токсина, пусть самую малую, способную поместиться на кончике булавки, они, считай, не жильцы. Пройдет от четырех до восьми часов, прежде чем у них появятся симптомы как при гриппе – заложенность носа, затруднение дыхания, а потом и мышечная боль, жар, тошнота, – что в конечном итоге закончится поездкой в один конец в городской морг.

«Не очень приятно, но бывает смерть и похуже, – подумала Кендра. – Например, от вируса Эбола. Вот *это* точно устрашающая кончина». Но она не думала, что кто-то хотел бы сейчас об этом слышать, так что замолчала.

– Черт. Мой единственный шанс увидеть тебя голой, Кендра, но мне что-то не хочется, – Лэндон озорно улыбнулся ей.

Она не обратила на него внимания:

– Я права. Балакирев и Грин здесь не по идеологическим соображениям. Они, как бы это лучше сказать, бизнесмены.

– Черт побери! Я думал, что мы тут устраняем парочку террористов, – Нун насмешливо фыркнул. – Он что, достанет свой карманный компьютер? Может, Балакирев там показывает Грину чертову презентацию в Пауэрпойнте? Черт, может, мы чему-то еще и научимся, прежде чем снесем коленные чашечки этому придурку?

Рот Кендры сжался от этого саркастического замечания, но, несмотря на это, она произнесла абсолютно спокойно:

– Балакирев – хладнокровный ублюдок. Ему плевать на невинных жертв, которые могут пострадать от его действий. Но также на это плевать и руководителям некоторых корпораций, которые прекрасно знают, что их продукты убивают людей, но все же постарайся посмотреть на это по-другому, ведь по большому счету...

– Если ты собираешься излить на нас свои слезливые либеральные мысли, Кендра и, по сути, защищать *террориста*...

– Я его не защищаю, – Кендра ответила резко, повысив голос. Она с трудом сдержалась. – Я просто констатирую факт. Балакирев и Грин здесь из-за денег. Из-за *жадности*. Они не собираются умирать.

– Ох, да, я читал твое досье, – проворчал Нун. – Может, ты напишешь статью для «Уолл Стрит Журнал», когда это все закончится. Жадность ведь хороша, правда?

Кендра опустила глаза:

– Для нас она хороший фактор. Если Балакирев или Грин решат, что им крышка, они захотят пойти на сделку. Они самовлюбленные людишки, в особенности Грин. Он точно не захочет рисковать своей драгоценной шкурой в потенциально смертельной ситуации. Это по большому счету бизнес-встреча.

– Будем надеяться, что вы правы, агент Донован, – сказал Карсон. Он взглянул на свои часы и почувствовал прилив адреналина. Пора. – И без беспорядочной стрельбы, – он посмотрел на каждого своего агента, – вам объяснили, что Вашингтон хочет получить от этой операции. Так что давайте.

Он потянулся рукой к двери, отодвинул ее и выпрыгнул на улицу. Песчаная дорожка захрустела под его ботинками:

– Я представлю вам командира команды спецназа. Затем вы действуете самостоятельно. Не сядьте в лужу.

Джонатон Вейл, глава команды спецназа ФБР, выглядел так, будто сошел с экрана фильма про киборгов. Его плотное мускулистое тело было облачено в темную форму и нагружено тяжелым вооружением. Оно весило по меньшей мере килограмм восемнадцать, но он двигался легко, пока инструктировал специальную рабочую группу по поводу того, что именно он ожидал от них, – держаться подальше от его команды и не мешать.

Надев военные защитные очки и респиратор, Кендра подавила в себе чувство обиды, когда Вейл поставил ее во фланг, а всех ее сослуживцев, включая Шеппарда, *Шеннарда*, который за шесть чертовых лет ни разу не был в деле, впереди нее.

Но все же времени на споры не было. Она двинулась за группой, когда они побежали трусцой, максимально тихо, насколько это было возможно, чтобы занять позиции и затаиться вдоль стен и по углам соседних со складом зданий. У склада не было окон, так что это была всего лишь мера предосторожности, на случай если люди Балакирева решат выйти наружу.

Дневной свет начинал меркнуть. Мягкий бриз нес с собой запах дизельного топлива, достаточно резкий, чтобы просочиться сквозь маску Кендры. Она мечтала о более сильном ветре, который смог бы осушить пот, выступивший на ее бровях. Ее лицо под тяжелым шлемом, очками и дыхательной маской казалось сальным, пот скользил под черной формой по спине.

Когда Вейл поднял руку для сигнала, все глаза уставились на его пальцы. Его голос, производящий обратный отчет, потрескивал у них в наушниках.

Пять... Четыре ... Три...

Нервы Кендры напряглись до предела в ожидании.

Два... Один!

Рука Вейла сжалась в кулак, и где-то в отдалении они услышали визг шин, за которым через несколько секунд последовал страшный удар; деформирующийся металл издал звук, похожий на пронзительный, почти что женский крик. Оглушительный взрыв, раздавшийся благодаря взрывным веществам, которыми была набита специальная машина, заставил трястись землю. Голос Вейла зазвенел у нее в ушах.

– Пошли. Пошли. Пошли!

Кендра двинулась ко входу на склад. Два человека с тараном уже были на месте. Один быстрый толчок, и дверь вылетела вперед, команда спецназа ринулась внутрь, как дюжина черных жуков. Кендра последовала за ними и обвела медленным взглядом помещение. Это была огромная темная пещера, полная сложенных друг на друга ящиков и контейнеров, нагроможденных на три-четыре метра, иногда прямо до подвесных лесов у крыши.

– Это чертов лабиринт, – заметил кто-то в ее наушнике.

Первоначальный шок после штурма прошел, теперь ее захватила перестрелка, которую затеяли люди Балакирева. Ее сердце бешено билось, дыхание казалось слишком громким внутри респиратора, Кендра забежала трусцой в один из коридоров, образованных рядами коробок. На секунду она предположила, что ризин спрятан в одном из этих контейнеров.

Звук перестрелки оглушал. Ее наушник разрывался от непрекращающегося потока приказов, ругани и угроз.

– Чертовы русские!

– Сколько их там? Сколько видите?

– Устраняйте этих двоих засранцев!

– Один сукин сын готов!

Кендра завернула за угол и столкнулась с крупным мужчиной, метнувшимся в ее сторону. Заметив ее, он поднял свой автомат, но Кендра уже целилась в него из своего «ЗИГ Зауэра». Он свалился на землю. Она нажала на кнопку на своих наушниках и прокричала:

– У меня один. Четверо нейтрализованы.

– Пятеро! Я... – за внезапным шквалом огня последовал вскрик, который заставил Кендру вздрогнуть.

– О’Брайан? – Молчание.

– Сукин сын! Сукин сын! – Нун дышал тяжело, как собака. – Моя нога. Уроды попали в мою ногу!

– Дай мне свои координаты!

– Налево, Нун! Черт, налево!

Снова стрельба.

– Вот дерьмо! Вижу человека слева. Стреляй в него! Стреляй в урода! – Голос Вейла гремел в наушниках Кендры.

Она зашла с противоположной стороны защитного ограждения из контейнеров и увидела человека, сидящего на корточках наверху контейнера и стреляющего из самозарядного боевого оружия. Ее собственный пистолет выскользнул из ее рук, когда она нажала на курок. Мужчина повернулся в ее направлении, пару раз выстрелил, спрыгнул вниз и исчез за башней из контейнеров.

Сердце в ее груди колотилось, когда Кендра нырнула под укрытие. После очередных отдавшихся во всем теле ударов сердца она вынырнула в проход, уголком глаза уловила движение и развернула свой пистолет в его сторону. Ее мозгу хватило доли секунды, чтобы идентифицировать человека, сиганувшего через узкий проход, как врага, затем она нажала на курок. Он издал дикий крик и упал на колени. Он поднял свое оружие, будто в замедленном действии. Кендра выстрелила еще несколько раз. Мужчину отбросило назад, он лежал неподвижно.

– Еще один, – она продолжала идти дальше, продвигаясь по направлению лестницы, о которой она помнила из плана здания. – Я думаю... – Она оборвала свою фразу, когда взрыв наполнил помещение, за белым светом последовал ярко-оранжевый, ослепляя ее. – Черт! – Она протерла свои очки и маску, учащенно моргая.

– Вот же... – голос Вейла прошипел в наушнике. – Осветительная бомба. У них чертова осветительная бомба!

– На подмогу! Они нас сейчас убьют!

Справа последовала ровная череда взрывов. *Черт!* Кендра сдвинула с лица очки и маску и поползла по-пластунски, огибая другую стену из контейнеров. Быстро моргая, чтобы справиться с потом, она заметила Вейла и Шеппарда. Как и она, они оба скинули очки и маски. Кто-то впереди них стрелял.

– Где этот сукин сын Грин? – кричал кто-то в ее ухо.

– Балакирев на лестнице!..

– Пристрелите его! – закричал Вейл. Он побежал вперед, но его тело вдруг резко дернулось, вращаясь, как волчок. Темная струйка крови била из его шеи. Шеппард, бежавший за ним, принялся стрелять в темные тени над ними, а затем присел на корточки рядом с упавшим командиром спецназа.

– Твою мать! – Кендра услышала прерывистый голос Шеппарда в наушниках. – Вейла ранили! Ему нужна медицинская помощь!

Кендра увидела, как какой-то человек вышел из-за угла и приложил винтовку к плечу.

– Шеппард, ложись! – закричала Кендра. Она рванула вперед, поднимая свой пистолет и нажимая курок. Мужчина упал за стеной из контейнеров. Она молилась, чтобы ее выстрел был смертельным.

Она поскользнулась на масляном пятне – *нет, не масляном, это была кровь Вейла*, она поняла это внезапно, от этого стало не по себе – и упала на колени. Шеппард снял свои перчатки и отчаянно пытался руками заткнуть дыру в шее Вейла. В тусклом свете его пальцы казались черными от крови.

– Я пытаюсь... Я пытаюсь остановить кровотечение. Мне нужно остановить кровотечение... – говорил он, тяжело дыша.

Кендра схватила его за руку.

– Он умер, – сказала она жестко, – ты ничего уже не сможешь сделать для него.

Шеппард молча уставился на нее своими глазами, наполненными ужасом.

– Боже... Я забыл...

– Черт, у нас нет времени об этом говорить, – прервала она его, пытаясь при этом снова поднять на ноги, утащить в более безопасное место. – Шевелись!

– Боже, меня ранили! – закричал кто-то в наушниках. – Меня ранили!

– Я отследил точное местонахождение Балакирева и Грина.

Шеппард, шатаясь, встал на ноги:

– Хорошо. Хорошо. Нам нужно... – Вдруг он обвис, с его губ слетел хриплый крик.

Сердце Кендры упало в груди, когда она увидела, как черты Шеппарда исказились в агонии.

– Шеппард? О боже! – ее рот пересох от ужаса, она пыталась ухватить его, но он опрокинулся на нее, увлекая своим весом на пол. Она быстро оттолкнула его и выстрелила куда-то в тень, бросив при этом взгляд на Шеппарда. Его глаза были открыты и сверкали от боли, она вздохнула с облегчением. Он жив.

Вскочив на ноги, она дышала тяжело и быстро. Она обхватила пальцами руки Шеппарда, лихорадочно дергая его, пытаясь расшевелить:

– Давай же, Шеппард! Даниэль!

Ужасный звук от перестрелки все еще раздавался эхом в помещении: в ее ушах была тишина. Она потеряла наушники, когда падала, и теперь не слышала ничего, кроме залпов, отлетающих от стен склада.

Уголкем глаз она заметила сначала тень, потом эта тень приняла и форму человека. С трудом сдержав крик, она отпустила Шеппарда и подняла свой пистолет, следя за движением фигуры, и тут узнала Терри Лэндона.

– Сукин сын! Шеппард ранен? – он легко бежал по направлению к ним.

– Так. Дверь прямо за этой секцией контейнеров. Чертов лабиринт, – он сменил позицию, пытаясь схватить раненого и взваливая его на себя. – Я отведу вас в безопасное место, – он замолчал, взглянув на Кендру. – Двигай своей задницей, Донован!

– Это Шеппард ранен. Выводи его. Я вернусь за Балакиревым и Грином.

– Нет! Нам нужно...

– Я справлюсь, Терри. Ты же знаешь, – она повернулась в направлении лестницы.

– Я сказал остановись! Это, мать твою, приказ! Я руководитель команды!

– Я закончу эту гребаную операцию!

– Нет. Даже не думай.

Кендра с удивлением уставилась на него, когда он поднял свой пистолет, целясь в нее.

– Ты мне приказываешь под дулом пистолета?

– Извини, Кендра, – он отвел свой пистолет. Несмотря на все сумасшествие вокруг них, она чуть ли не засмеялась над его откровенной бравадой. Направить пистолет на нее, чтобы отвести ее в укрытие, ну надо же! Потом в ней все замерло, когда Лэндон навел оружие на Шеппарда, которого продолжал поддерживать второй рукой.

– О боже, Дэн, теперь ты правда пугаешь...

Лэндон вдруг резко отпустил Шеппарда. Перед тем как тот упал на землю, Лэндон спустил курок. Отказываясь верить в произошедшее, Кендра с ужасом наблюдала, как на месте лица Шеппарда образовался фонтан из крови, костной массы и мозгового вещества. Затем Лэндон снова перевел свой пистолет на нее.

– Что... О боже! *Что, черт возьми, ты наделал?* – она в ужасе отступила назад. Она интуитивно подняла свой пистолет, но Лэндон уже нажал на курок. Выстрел обжег верхнюю

часть ее руки, как удар раскаленной плетью. Ее правая рука онемела, ее «ЗИГ Зауэр» упал на бетонный пол.

– Ты сама себе навредила, Кендра, – сказал он, придвигаясь к ней. Он тоже сбросил маску и очки. Его глаза горели. Вокруг них вонь от пороха и смерти, казалось, взвевалась в воздух, как туман над кладбищем. – Ты нашла Балакирева.

– О боже... последняя операция... – она, казалось, не могла успокоить свое дыхание. – Ты чертов предатель!

– Называй как хочешь. ТЫ же не думала, что Балакиреву удалось улизнуть столько раз до этого, потому что он был так *хорош*?

– Ты сукин сын! – ее рука была будто в огне. Но это было не важно.

– Когда я говорил, что буду пить где-нибудь на пляже после операции, я не шутил. Старина Сэм – жадный ублюдок. Балакирев – бизнесмен. Он знает цену деньгам. А Грин – мешок с деньгами.

Кендра набросилась на Лэндона, пытаясь ногой выбить его пистолет. Он пробормотал что-то, отшатнулся, но не выпустил его из рук.

– Тварь!

Здоровой рукой она нацелилась на его горло и занесла ногу для повторного удара. Она попала Лэндону в живот, отбросив назад, но ему удалось поднять при этом пистолет и нажать на курок. Выстрел пришелся ровно в ее грудную клетку: как невидимый удар, он сшиб ее с ног, и она упала на пол. Боль была мучительной, кислород покидал ее легкие. Мир покачивался вокруг нее. Она боролась с водоворотом темноты. Кевларовая жилетка, может, и спасла ей жизнь, но все равно боль от выстрела была невыносимой.

Заставив себя подняться на колени, она поползла, как краб, по проходу, напоминающему часть лабиринта. Она усиленно моргала, чтобы прогнать пот с глаз. Позади она услышала, как Лэндон тяжело поднимается, одновременно угрожая ей.

– Я разорву тебя, дрянь!

Сквозь тусклый свет она видела распростертое тело Вейла перед собой. Ее здоровая рука чувствовала, как липкая кровь командира спецназа, как желе, застывает на бетонном полу. Прикусив губу, чтобы не стошнило, она поспешно ринулась к его телу.

– Ты покойница! – Лэндон зашел за угол как раз в тот момент, когда ее пальцы коснулись пистолета Вейла. Она схватила его за дуло, перевернула здоровой рукой, и в этот момент Лэндон выстрелил. Тело Кендры дернулось, ее нога горела, как будто на нее пролили кислоту. Она закричала, перекатилась на бок. От боли кружилась голова, она подняла свой «ЗИГ Зауэр» и выстрелила. Направленная на нее пушка Лэндона сработала в тот же самый момент, ее откинуло назад, огненная боль была такой невыносимой, что она думала, ее голова развалится на две части. Яркий медный запах ее собственной крови, смешанный с запахом крови Вейла, удушающе наполнил ее ноздри. Картинка перед глазами становилась размытой. Затем она поняла, что это кровь стекла на глаза.

Ослабев, она закрыла их.

И потеряла сознание.

3

– Как она?

– Она боец, она справится. У нее несколько ранений – в правую руку и ногу, низ живота, правый висок. Нам пришлось удалить участок толстой кишки и правую маточную трубу. Не факт, что она сможет иметь детей...

– Но она будет жить?

– Ранение в голову самое серьезное. Ей повезло. Если бы попало на сантиметр выше, то мы бы сейчас говорили у патологоанатома.

Голоса раздавались приятными волнами, пока Кендра парила где-то... где она вообще? Она чувствовала... ничего не чувствовала. Никакой боли. Никаких эмоций. Лишь ощущение отчуждения. Единственное, что связывало ее с реальностью, были эти голоса. Два мужских голоса. Один мягкий и спокойный. Другой немного громче, более скрипучий.

– Она будет жить? – скрипучий голос повторил свой вопрос настойчивее.

Едва различимый звук. Возможно, вздох, после которого последовало:

– Хотелось бы мне это знать.

– Вы же доктор. Если не знаете вы, то кто знает?

– Если бы вы спросили меня об этом, когда ее только привезли, я бы сказал, что нет, она не доживет и до полуночи. Но прошла неделя, и она до сих пор жива. И становится крепче. Сегодня утром мы убрали вентиляцию, теперь она дышит самостоятельно. Но будет ли она жить? Я не знаю.

– Черт побери. Директор хочет услышать ваш прогноз.

– Тогда я надеюсь, директор знает прямой номер бога, потому что он единственный, кто может ответить на этот вопрос.

* * *

– Не могу поверить, что она агент ФБР. Ей на вид шестнадцать, бог ты мой. У меня дочь выглядит старше!

– Двадцать шесть.

– Что?

– Ей двадцать шесть. А твоя дочь выглядит старше, потому что ты разрешаешь ей так краситься. Не говоря уже о той ужасной татуировке.

– Это должна была быть бабочка на лодыжке. Маленькая, – последовал долгий вздох. – Откуда мне было знать, что она набьет себе череп и две кости почти на всю спину? Если бы рядом был ее отец...

– Ты слишком мягка с ней.

Два новых голоса ворвались в прекрасную отстраненность Кендры. Ей казалось, что она плывет, как будто бы она парила вне своего тела. Но неодобрение, звучащее в одном из голосов, заставляло ее каждый раз спускаться вниз.

– Ты предоставила ее самой себе после развода, – продолжал неодобрительный голос. – Я не критикую. Ну, может, и критикую. Но это просто потому, что мы друзья, Энни. Передашь мне это? Спасибо. – Потом на какое-то время воцарилась тишина. Затем раздалось снова: – Она с тобой играет. Ты же знаешь.

– Она просто... проходит через стадию отрицания.

– Ну, ей повезло с тобой. Полно людей в мире, у которых нет никого. Как у этой бедняжки.

– Что ты имеешь в виду? Я слышала, что директор спрашивал о ней, – голос опустился до боязливого шепота, как будто бы эта женщина, Энни, думала, что директор, кто бы он ни был, притаился где-то рядом. – И из Бюро тоже кто-то постоянно приходит и справляется о ее здоровье. Доктору Кэмпбеллу было приказано лично наблюдать ее.

– Это же коллеги, – вторая женщина шмыгнула носом, снова выражая неодобрение. – Врачи. *Мы*. Но семьи у нее нет. Посмотри на нее. Даже с забинтованной, как у мумии, головой, видно, что она симпатичная. Я бы убила за такие ресницы, как у нее. Странно, что у нее нет парня, который бы беспокоился о ней.

– Хм.

– Мой племянник Джои только что расстался со своей подружкой.

– Ой, не надо, Памела! Девочка даже в сознание еще не пришла, после того как ее сюда доставили, – голос второй женщины теперь сопровождался залившимся смехом, – а ты хочешь свести ее со своим племянником!

– Ее жизненные показатели превосходны. Сейчас мы перестанем вводить ей успокоительные... Мне просто жаль ее, ведь у нее никого нет. Нет семьи...

– О боже! Кендра Донован.

– Что?

– *Кендра Донован*. Эта девушка, пациентка. До меня только что дошло... Я же слышала о ней. – Голос снизился до шепота. Голос Энни. По какой-то причине, хоть Кендра и парила где-то, ей было важно знать, кто именно говорит, идентифицировать голоса. – Это было по «20/20» или «Шестьдесят минут», по одной из этих новостных программ. Ее родители участвовали в программе создания супердетей.

– Супердетей? Это... погоди. Я думаю, что читала об этом! Дизайнерские дети, – неодобрение вернулось в голос женщины, в голос Памелы. – Генетически модифицированные дети; они возились с генами, чтобы сделать детей умнее, чем обычные. *Маленькие Франкенштейны*.

– Не знаю, дошли ли они до этого. Тогда им это точно не удалось. Одному богу известно, чем они занимаются *сейчас*. Но ученый, который основал... я думаю, это можно назвать «общество» ...

– Секту.

– Ну, или секту, – согласилась Энни. – Целью было объединить этих невероятно умных ученых для создания невероятно умного потомства. Бред, да?

– Больные просто, – неодобрение в голосе Памелы сменилось полнейшим ужасом. – Это же как разведение животных. Свести лучший скот, чтобы получить лучшую корову. Это ненормально применять к людям.

Дымка рассеивалась, оставляя место тупой боли. Кендра уже не хотела никого слышать. Она не хотела слышать это омерзение в голосе женщин.

Особенная или ненормальная. В глазах Памелы и Энни – точно ненормальная.

– Итак... она одна из этих детей Франкенштейнов?

– Ну да... Я думаю, она пошла в колледж в четырнадцать или пятнадцать.

– Ого! Рано.

– Не верится, что она здесь. Что эта девочка, это *она*. Мир тесен, верно же?

– Сумасшедший мир. Где же ее родители? Почему их здесь нет?

– Думаю, они вроде как в контрактах...

– Что такое?

– Не знаю. Но ее кровяное давление подскочило, – голос Энни звучал озабоченно. – Нам надо, наверное, уведомить доктора Кэмпбелла?

– Может, ей больно.

– Они сказали не давать ей больше морфий.

– Пойду доложу доктору Кэмпбеллу тогда. Он зайдет и посмотрит, – раздался звук шаркающих шагов, и голос удалился.

– Ты позвонишь своему племяннику? – другой голос, Энни, тоже удалялся, но Кендра уловила в нем веселые нотки. – Будешь свахой?

Вторая женщина, казалось, раздумывала. Затем произнесла:

– Не думаю, что она во вкусе Джои.

– Что? Слишком симпатичная для него?

– Слишком странная. С детьми Франкенштейнами всегда что-то не так, даже если они уже выросли и выглядят привлекательно.

* * *

В следующий раз Кендру разбудили не голоса, а боль. Ее череп как будто раскалывался на две части. Если она не ошибалась, ее сейчас мучила сама прародительница головной боли. Нет, не так. Это точно *была* прародительница головной боли. Она пульсировала в правой стороне головы и отдавалась внезапными ударами, которые сотрясали ее до самых кончиков пальцев ног.

– Мисс Донован? – голос был полон робкой обеспокоенности, он будто бы завис над ней.

С большим трудом Кендра открыла глаза и увидела перед собой пару карих глаз в очках с роговой оправой. Круглое лицо. Мужчине было около шестидесяти лет, он был немного размыт по бокам, но тут она поняла, что тут скорее виноваты ее проблемы со зрением. Она моргнула пару раз, и его фигура приобрела более четкие очертания.

– Боже. Моя голова, – ее правая рука тоже безжалостно болела. Эта боль сливалась с пульсацией в голове. – Болит. Воды.

– Конечно, – он налил воду в пластиковый стакан и передал его ей, придвигая соломку к ее пересохшим губам. Она глотала жадно и не могла утолить жажду этой ледяной жидкостью, которая смачивала ее горло.

– Подумаем, что можно будет применить от вашей головной боли. Мы не хотим, чтобы вы снова потеряли сознание. Мы испугались, вы должны были выйти из комы пару дней назад. – Он оторвал соломку от ее губ, не обращая внимания на ее тихий протест, и поставил пластиковый стаканчик на металлический откидной столик. – Я доктор Кэмпбелл.

«*Что произошло?*» – Она не думала, что сказала это вслух. Но он продолжил осматривать ее и спросил при этом:

– Вы помните что-нибудь?

– Нет, – что-то всплыло в ее сознании, небольшой просвет в дымчатых серых слоях. – Да. Я не знаю.

– Вы знаете, как вас зовут?

– Донован... Кендра Донован, – прошептала она.

– Назовите президента Соединенных Штатов.

– Что? Я... – О боже! Воспоминание, которое сейчас ее настигло, было как резкий порыв, который налетел и разрушил ее душевное спокойствие. – Шеппард. Он мертв. О боже. – Ее дыхание сбилось от сухого всхлипа. – Они умерли, Терри... Терри Лэндон. *Предатель*. Сукин сын! Убил его. *Убил его!*

– Успокойтесь, мисс Донован. Ваша память, по всей видимости, не пострадала...

– *Я его застрелила?*

– Кого?

– Сукина сына Лэндона, – ее горло опять пересохло, ей будто приходилось проталкивать слова сквозь терку для сыра.

Доктор взял ее запястье и, деликатно держа его, считал ее пульс по своим тикающим часам.

– Да. Кажется, вы его застрелили.

– Он мертв?

– Кажется, да.

– Отлично. Балакирев? Грин? – она освободила свою руку, но к тому времени доктор уже закончил и отпустил ее. Она попыталась приподняться, но была слишком слаба, руки висели, как вареные макароны. Она снова упала на твердые подушки. – Их поймали?

– Мисс Донован, пожалуйста, лежите спокойно, – он подождал немного, затем склонился над ней, посветив карманным фонариком ей в глаза. По-видимому, довольный увиденным, он опустил фонарик обратно в нагрудный карман своего белого халата и подошел к краю кровати, где открепил медицинскую карту и принялся бегло делать заметки. – Мне нужно вызвать ваше начальство. Они оставили подробные инструкции о том, что нужно сделать, как только вы придете в сознание. – Он дотронулся до ее стоп. – Вы чувствуете что-нибудь? Можете двигать пальцами ног?

– Да. – Она сделала легкое движение пальцами для демонстрации, хоть на это и потребовалось невероятное количество энергии. – Балакирев? Грин? – повторила она хрипло.

– Нам нужно сделать пару тестов. И нам нужно позвать ваше начальство, – повторил он. Его выражение лица стало мягче, когда он посмотрел на нее. – Я могу подождать с этим звонком.

Кендра поняла, что он предлагает ей еще время. Она переместила свой взгляд с глаз доктора на безликий белый потолок больничной палаты. Она находилась в Национальном военном медицинском центре «Уолтер Рид», как она поняла со слов одной из медсестер. В одиночной палате. Особые условия содержания выдавал интерьер комнаты с веселыми занавесками в цветочек, обрамляющими окно, за которым скрывалось тусклое серое небо. Стены были покрыты краской цвета недоспелой дыни. Довольно мило для больничной палаты. Но все же это была больничная палата: аппарат ЭКГ, зеленая полоска, едва прыгающая на затемненном экране слева от нее, а рядом капельница, по тоненькой трубке которой неспешно стекают капли в ее левую руку. Ее ноздри слегка щипало. И она вдруг поняла, что ей, должно быть, вставляли в нос катетер с кислородом.

Понимая, что доктор ждет от нее ответ, она покачала головой и сразу же пожалела об этом. Это движение вызвало новый прилив боли, за которым последовал коварный приступ тошноты.

– Нет, – прошептала она сипло и снова облизала губы. Ей хотелось закрыть глаза, чтобы вернуться в тот туманный дурманящий мир, где она находилась, перед тем как проснуться и почувствовать дискомфорт, и физический, и моральный. Но она сопротивлялась этому соблазну.

– Позовите их. Сейчас, – попросила она. – Мне нужно знать.

* * *

– Кендра, – на этот раз она узнала этот грубый голос еще до того, как открыла глаза и встретила взглядом с морщинистым лицом Филипа Лидза, заместителя директора отдела поведенческого анализа. Ее босса.

Только он уже не был ее боссом почти год, о чем она резко вспомнила. С тех пор как ее передали нью-йоркскому офису специальной рабочей группы.

– Сэр.

– С возвращением, – его улыбка не скрыла беспокойство, которое выражали его глаза. – Как вы себя чувствуете?

– Будто мне выстрелили в голову.

Дверь отворилась, и ворвался доктор Кэмпбелл.

– Ага, я слышал, что вы пришли навестить нашего звездного пациента, сэр. Я должен попросить вас в этот первый визит побыть не слишком долго с пациенткой. Мисс Донован еще не до конца окрепла для того, чтобы отвечать на какие-либо вопросы.

Кендра резко взглянула на доктора и сказала:

– Это у меня есть вопросы.

– Или для того, чтобы проводить допрос, – продолжил он деликатно. Он повернулся к заместителю директора: – Мне необходимо отвезти мисс Донован на диагностику. У нее по расписанию сейчас МРТ.

Лидз кивнул:

– Пять минут, доктор Кэмпбелл.

Осознавая, что заместитель директора не просто просил, а требовал уделить ему пару минут наедине с пациентом, доктор Кэмпбелл двинулся в сторону двери.

– Пять минут, – он подчинился, но в его голосе звучало суровое предупреждение. Он понимал степень влияния Лидза, но в этой комнате, в этой больнице и с этим пациентом это у него были приоритетные полномочия.

Лидз подождал, пока дверь не закроется, и повернулся к Кендре:

– Питер Карсон летит сюда. Он хочет поговорить с тобой.

– Я уверена, что он хочет. Можете мне, пожалуйста, передать воду вон там? – Пока Лидз искал взглядом воду, Кендра крутила приспособление на своей кровати, поднимая матрас, чтобы оказаться в сидячем положении. Было что-то унижительное в том, чтобы разговаривать с боссом лежа на спине.

Он взял пластиковый графин и наполнил чашку.

– С тобой все в порядке?

Кендру раздражало, что ее руки тряслись, когда она потянулась за водой.

– Я же сказала, чувствую себя так, будто мне выстрелили в голову, – пробормотала она раздражённо, засовывая соломку в рот. – Сэр.

Лидз улыбнулся, на этот раз немного более искренне.

– Ну, по крайней мере ведешь ты себя как прежде.

– Чувствую себя отвратно.

Улыбка исчезла.

– Извини, Кендра. Карсон должен тебя допросить, но что, черт возьми, произошло?

Руки Кендры задрожали, когда она ставила пластиковую чашку на металлический столик, который подкатали к ее кровати.

– Майор, это полная задница, извините. Терри Лэндон нас предал. Или предал бы, если бы успел.

На какой-то момент она закрыла глаза и увидела, как голова Шеппарда взрывается. Она открыла глаза, и Лидз увидел это страдание где-то в глубине их. Наконец она произнесла:

– Он убил Дэниэла Шепарда прямо на моих глазах. Чертов ублюдок.

– Ты уверена?

– Да. Он чертов ублюдок.

– Кендра.

– Это он стрелял в меня. Я хотела вернуться и достать Балакирева, Грина. Тогда Лэндон и... выстрелил в Дэниэла. А затем и в меня, – она уставилась на свои руки, беспокойно теребящие покрывало. Она заставила себя остановиться. – Если бы я не попыталась пойти за Балакиревым, Дэниэл был бы жив.

– Вы же прекрасно понимаете, агент Донован, – Лидз подождал, пока она не поднимет глаза. – Вы не убивали Шеппарда.

– Но я абсолютно уверена, что не помогла ему, – ее дыхание перехватило. – Я работала с Лэндоном. Я профайлер, черт побери. Я должна была видеть его насквозь... должна была догадаться...

– Ты не всемогуща. Или не совсем совершенна.

Она подняла руки и нажала костяшками пальцев на глаза. И покачала головой. Чего делать не следовало, так как тут же безжалостное острие опять вонзилось в ее череп. Ей предлагали увеличить дозу морфия, но она отказалась. Кендра вздохнула, опустив руки:

– Я устранила Лэндона. Доктор... доктор Кэмпбелл сказал, что он мертв.

– Это так.

– А что с Грином и Балакиревым? Рицином?

– Балакирев мертв. Его задело во время перекрестного огня. Яд был упакован в форме гранул, как ты и предсказывала. Мы его конфисковали вместе с ноутбуком Балакирева. Над ним сейчас работает компьютерный отдел. Там есть много зашифрованной информации. Как только его взломают, мы надеемся внедриться в некоторые террористические ячейки, с которыми работал этот ублюдок.

– То есть нам не нужен был сам Балакирев. Нам всего лишь был нужен его ноутбук.

– Ну, не думаю, что Питер Карсон видит это так же. Но технологии всех нас превращают в консерваторов.

– Боже, я бы так хотела приложить к этому руки, – пальцы Кендры искривились от отчаяния, зарываясь в хлопковое белье.

– Я уверен, приложишь, – он посмотрел на свои часы. – Мои пять минут подошли к концу. Я пойду, пока доктор Кэмпбелл не надрал мне задницу. Зайду к тебе завтра. Директор сказал, что тоже может прийти. – Он подошел к двери. Немного задержался около нее. – Если тебе нужно с кем-то поговорить...

– Не нужно.

Он смотрел на нее около минуты и решил не напоминать ей о том, что ей придется пройти полное психическое освидетельствование перед тем, как вернуться в Бюро. Пока что он просто кивнул:

– Вы ценный член нашей команды, спецагент Донован.

– Спасибо. А... сэр? Вы проинформировали... мои родители знают, что я... хотя ладно, – она плотно закрыла рот, недоговорив фразу. Ей было неудобно, что ее пальцы, дрожа, опять теребили белье. Она уже пожалела об этом вопросе, увидев сожаление в глазах заместителя директора.

– Что касается ваших ближайших родственников, ваши родители были проинформированы, – сказал он мягко.

Она кивнула и больше не смогла выдерживать его взгляд:

– Спасибо.

Лидз помедлил и почувствовал знакомый гнев, поднимающийся в нем в отношении этих двух ученых. Он знал, что они были гениальны в своей сфере деятельности, доктор Элеанор Янке в квантовой физике, а доктор Карл Донован – в изучении генома и биогенетическом искусстве. Но, насколько ему было известно, оба они были отвратительными людьми.

Так как он не знал, что еще может сделать, чтобы прогнать опустошение, которое он увидел в темных глазах Кендры перед тем, как она отвела взгляд, он просто сказал:

– Отдохните, агент Донован.

Кендра пыталась справиться с унижением и старой болью в груди, которая не имела ничего общего с ее ранениями. Когда она подняла глаза, удивилась, что оказалась в палате одна.

И так и не узнала, что произошло с сэром Джереми Грином.

* * *

Следующие четыре дня прошли быстро из-за постоянной беготни с тестами и физиотерапией. Кендру раздражала собственная слабость, раздражало, что ее конечности были вялыми и неловкими. Неживыми. Каждую секунду, когда она заставляла себя что-то сделать, она будто бы толкала гигантский булыжник на вершущку горы, после чего вся тряслась, чувствовала дезориентацию и мечтала лечь в кровать.

К счастью, кровать у нее была.

Лидз не вернулся, хотя она слышала, что он регулярно узнает, как она. Как и было обещано, Карсон появился, чтобы допросить ее, мрачно проинформировав ее о числе убитых, среди которых кроме Шепарда и Вейла были Аллан О'Брайан и Дэнни Кортез из первой команды. Двое из команды Вейла тоже погибли. Билл Нун получил пулю в ногу, но остался жив.

Терри Лэндон был не в счет.

Кендра подумала об О'Брайане и его молодой жене, которая сейчас стала вдовой, и ей захотелось рыдать. И снова застрелить Терри Лэндона. *Чертов ублюдок.*

Карсон ушел до того, как она успела спросить о Грине, и, по правде, к тому времени, как их разговор подошел к концу, она слишком устала, чтобы сформулировать какой-либо членораздельный вопрос. Ей стало даже интересно: была ли она обязана этой усталостью своему настроению или ей все-таки добавили морфий в капельницу?

Как и бывает в таких случаях, время, казалось, тянулось ужасно медленно, а затем опять резко ускоряло свой ход, расплываясь и растекаясь от одного момента к другому, от вечера до утра, а потом и до дня. Она, по сути, никогда не была одна. Медсестры, чей разговор она тогда подслушала, Энни (по-матерински добрая, с солнечными светлыми кудряшками, прыгающими вокруг ее удивительно молодого лица) и Памела (гораздо менее добрая, более угловатая, с короткими волосами с проседью), теперь залетали и вылетали из ее палаты, как жужжащие пчелки, проверяя ее показатели, давая ей маленькие бумажные колпачки с таблетками и сопровождая ее во время ее передвижения на два этажа выше для тестов или во время спуска в кабинет физической терапии этажом ниже.

– Для человека, который был в коме пару недель назад, у вас все прямо отлично, – заметил доктор Кэмпбелл, когда зашел в ее комнату однажды утром. Он взял ее карту у подножия кровати и быстро оценивая ее просмотрел, прежде чем улыбнуться ей. – У вас тут посетитель.

– Да?

– Кендра.

Ее сердце внезапно заколотилось, когда ее глаза посмотрели на дверь.

Мужчина, стоявший на пороге, был высокий, худой и намного старше, чем она его помнила. Его некогда черные волосы были сейчас испещрены серебряными полосами у висков, а на его привлекательном лице появились морщины, которых она не помнила. *Прошло больше десяти лет.*

Однако, когда он зашел в комнату, выражение в его темно-карих глазах, обрамленных рядом густых ресниц – ее глазах, как она вдруг осознала со странным душераздирающим чувством, – оказалось ей отчетливо знакомо. Это была холодная беспристрастность, смешанная с неудовольствием.

Есть вещи, которые никогда не меняются.

По всей видимости, не понимая скрытого значения этого визита, доктор Кэмпбелл продолжал улыбаться:

– Очень хорошо, что вы решили навестить Кендру, – сказал он. Если он и считал странным, что этот человек не навестил свою дочь или не позвонил, когда она была на волоске от смерти, он не подал вида. – Я, пожалуй, оставлю вас наедине, – он отошел к двери, затем остановился: – Кендре уже намного лучше, но, пожалуйста, не утомляйте ее.

– Понимаю. Спасибо, доктор Кэмпбелл. – Доктор Карл Донован дождался, пока мужчина покинет комнату, затем холодно произнес: – Итак... это ради этого ты бросила то, что могло стать твоим блестящим будущим?

Кендра не знала, смеяться ей или плакать. Двенадцать лет прошло, и его первые слова в ее адрес были критикой. *Знакомо.*

– Что ты здесь делаешь? – ее голос звучал немного напряженно, но по крайней мере ровно. – У меня огнестрельное ранение в голову, но, похоже, это ты забыл, что отказался от меня.

– Не дерзи, Кендра. – Рот ее отца сжался в узкую полоску. – Я получил звонок от заместителя директора Лидза, он предположил, что для продолжения моего исследования мне нужно навестить тебя.

Кендра нахмурила брови:

– Я не понимаю. Как твоё исследование связано со мной?

– Я работаю в Товарищеском институте в Аризоне...

– Над исследованием человеческого генома. Я знаю.

– Тогда ты должна знать, что государство – наш важнейший донор.

Кендра вспомнила то выражение сожаления в глазах заместителя директора:

– А. Понимаю. Лидз тебя заставил приехать. Вот почему ты здесь.

Не потому что ее отец хотел увидеть ее. Боже упаси, чтобы ему на самом деле было не все равно. И странное дело, от этого было больно. Она не видела своего отца двенадцать лет, но он до сих пор обладал этой властью над ней.

Брезгливым движением Карл приподнял штанину брюк перед тем, как сесть в кресло у кровати. Он поднял бровь:

– Ты расскажешь мне, как оказалась здесь... в таком виде?

– Ой, знаешь. Просто спасала мир.

– Я мог бы отметить, что есть более простые и безусловно более продуктивные способы спасти мир. Если бы ты продолжила...

– Как там Барбара? – прервала его она. – Как дети?

Он помедлил. Он не любил, когда его прерывают, но, так как предыдущая тема была ему противна, он позволил это ей:

– Барбара сейчас ушла из Института, чтобы написать книгу. Дети демонстрируют замечательные когнитивные способности.

– Патрисия и Стюарт, верно? – она вспомнила имена своих сводных сестры и брата. – Или ты называешь их «Испытуемый 1» и «Испытуемый 2»?

– Вижу, твоё чувство юмора со временем не улучшилось.

– Нет, не думаю. Но, вообще, если уж мы затронули эту тему, я же была бракованной, не так ли? Я не реализовала гениальный потенциал, на которой вы с мамой надеялись. Кстати, как там мама? Она придет?

– Без понятия. Я уверен, она справляется о твоём состоянии.

– Ничто так не радует любящую мать, как хороший тест.

Карл одарил ее порицательным взглядом:

– На Элеанор лежит невероятная ответственность в ЦЕРН. Она проводит научные эксперименты над Большим адронным коллайдером...

– Знаю. Пусть мама создает большую черную дыру прямо здесь, на земле.

– Это глупость. Это классическое преувеличение в СМИ, как тебе отлично известно, – сказал он сухо.

– Все мое жалкое чувство юмора, – она вздохнула и вдруг почувствовала себя жутко измотанной. Филип Лидз хотел как лучше, она понимала. Но шантажа недостаточно, чтобы соединить семью, которая развалилась много лет назад. Боже, да кого она обманывает? У нее никогда не было семьи в истинном смысле этого слова. Она была лабораторной крысой. Ребенком Франкенштейном, как ее назвала Энни.

– Это плачевно, – согласился ее отец. Она не сразу поняла, что он имеет в виду ее чувство юмора.

– Да, обидно, что ты не смог вывести его для меня.

– Сарказм – низшая форма остроумия, и это тебе не к лицу, Кендра.

– Похоже, мне ничто не к лицу.

Раздражение промелькнуло на его лице, и Кендра признала, что небольшая жалкая ее часть до сих пор получала удовольствие, провоцируя его. Это была единственная реакция, кроме разочарования, которую он по отношению к ней испытывал.

– Ты была таким подающим надежды...

– Экспериментом?

– Студентом, – сказал он с гневом.

– Студентом. Как дети из «Лебенсборн»? – предположила она со сладковатым выражением. – Гитлер тоже думал, что его программа по разведению детей была подающей надежды. Все эти арийские малыши. Супердети.

Карл сердито посмотрел на нее.

– Я надеялся, что ты наконец поняла цель проекта доктора Капура. Я могу упомянуть, что Джордж Бернанд Шоу, Чарльз Линдберг и несчетное число других блистательных умов тоже выступали за евгенику.

– Да. Знаю. Вы хотите сделать мир лучше, производя умных детей. Но у вас не получилось, ведь так? Вы с мамой не учли погрешностей в своем человеческом уравнении. Ну, такие как желания, страсть, личные амбиции.

– Личные амбиции? – Карл переместился в кресле, его холодные глаза уставились на ее перевязанную голову, больничную палату. – Личные амбиции поиграть в копа? Посмотри, куда это тебя привело.

– Я спецгент в Федеральном бюро расследований.

Она была самым молодым офицером, которого когда-либо принимали в академию, она даже захотела об этом сказать. Но только для доктора Карла Донована это бы ничего не значило.

– *Прославленный* коп. Ты могла бы совершить все, что угодно, быть кем угодно.

– Нет, не могла, – произнесла она тихо. А ее глаза с неосознанной мольбой смотрели на него.

«Ты хоть догадывался, почему я стала агентом ФБР?» – такой вопрос она хотела ему задать. Но, конечно же, он не догадывался. Он никогда не спрашивал ее ни о чем. Он инструктировал и приказывал, ожидая, что она будет подчиняться. И она так и делала четырнадцать лет.

– Ты недостаточно старалась, – сказал он.

Что-то внутри нее, что оставалось верным надежде, зачахло и умерло. Боже, она и не осознавала, что в ней еще оставалась надежда, думала, она умерла уже давно. Она опустила глаза:

– Я человек. Ты это не принял во внимание. И после всех твоих тестов и испытаний ты отказался от меня, отказался от своего брака...

– Это ты угрожала, что будешь судиться за выход из-под опеки, – напомнил он ей и поднялся на ноги грациозным движением. – Твою мать пригласили принять участие в исследовании в ЦЕРН. Такой шанс бывает раз в жизни. Я, само собой, не мог ей воспрепятствовать.

– Ну, конечно нет. Особенно если учесть, что Барбара ждала своего часа, чтобы занять свое место и предоставить тебе возможность для новых экспериментов.

– Этот аргумент всем уже надоел, Кендра. Жизнь продолжается. Мне кажется, именно так ты сказала своей матери и мне, когда попросила о независимости. Я правда не понимаю, в чем смысл этой мелодрамы. Ты от нас отдалилась. Несмотря на то что мы не согласились с твоим решением, мы его приняли. И мы никогда не блокировали твой доступ к целевому фонду, который мы открыли на твое имя.

– Этот целевой фонд состоит из денег, которые я заработала, когда появлялась в роли лабораторной крысы на телевидении и на соревнованиях.

– Тем не менее твоя мать и я основали этот фонд для тебя, эти деньги были отложены на твое образование. Эта дискуссия бессмысленна, – он посмотрел на часы. – У меня мало времени. Если, конечно, ты хочешь рассказать о чем-то, что не имеет отношение к прошлому?.. – Он ждал, уставившись на нее. Она не произнесла ни слова, он развернулся и пошел в сторону двери.

Слова дрожали на кончике ее языка. Ей понадобилась вся ее воля, чтобы не выпалить эти слова ему в спину.

Он остановился у двери, посмотрев на нее. Его глаза еще раз осмотрели ее с ног до головы, задержавшись на белой повязке вокруг лба. Он не выглядел озабоченным, отметила про себя Кендра, только смущенным. Он сказал:

– Прощай, Кендра.

– Прощайте, доктор Донован. – Она подождала, пока он уйдет, а потом схватилась за пульт управления койкой. Ее пальцы тряслись, когда она нажала на кнопку, опустив матрас, чтобы можно было выпрямиться и уставиться в потолок. Она пыталась не обращать внимание на жгучую боль в глазах, пульсацию в голове, тяжесть, сковавшую ее грудную клетку.

Ее отец был прав в одном.

Жизнь продолжается.

4

Месяц спустя

– Ты меня убьешь!

– Не веди себя как маленькая, Кендра. Еще два раза. Ноги держи выше, напряги пресс. Давай, Кендра.

– Я. Тебя. Ненавижу, – Кендра с трудом отдышалась. Она бы испепелила взглядом двухметрового сукина сына, который нависал над ней, но для этого потребовалось бы еще больше энергии, которая ей была нужна для того, чтобы заставить работать тренажер для пилатеса с подходящим садистским названием «Реформатор». Ее мышцы горели и дрожали, и в какой-то момент она честно хотела сдаться. Она бы этого не сделала; она *не могла* этого сделать. Она черпала силу воли откуда-то из собственных глубин, уверенно двигая свое тело вперед с помощью жгутов, сантиметр за сантиметром, в поте лица.

– Это ты хотела поторопиться, – весело напомнил ей Брайан, светловолосый, голубоглазый, сногшибательный специалист из отдела физиотерапии, которого все называли Терминатор. – Это большой день, ведь так? Официальная выписка.

– Боже! – Кендра застонала, выпуская жгуты с чувством внезапного освобождения. Какое-то время она так и лежала, обессиленная и запыхавшаяся. Затем Брайан бросил ей полотенце. Оно приземлилось ей на лицо. – Я думаю, что умерла, – пробормотала она, не поднимаясь.

– Для покойницы ты слишком здоровая, – он ухмыльнулся.

Превозмогая боль в мышцах, Кендра села и вытерлась полотенцем. Пока она утирала пот, потоками льющийся по ее лицу, она увидела себя в отражении зеркала на стене и состроила гримасу. Она не выглядела здоровой. Она выглядела как военнопленная. Ее темные глаза казались слишком большими на ее лице, которое было исхудалым и бледным. Ее голова была побрита для операции, и отросло только сантиметров десять новых волос. Лучше, подумала она, чем если бы она была полностью лысой, но все-таки ужасно далеко от прежней ее копны пышных темных волос, которые доходили ей почти до поясницы.

Она никогда не считала себя самовлюбленной. Но она поняла, что ей действительно очень нравилось, когда у нее были нормальные волосы.

Отвернувшись от своего отражения, она встала на ноги, которые еще шатались после последствий тренировки.

– Как там наша звездная ученица? – спросила Энни, втолкнув инвалидное кресло в комнату.

– Сегодня я почувствовала свободу. Мне что, правда нужно это? – Кендра бросила взгляд на кресло.

– Больничные правила, – медсестра широко улыбнулась. – А после сеанса с Терминатором, я думаю, тебе оно будет кстати.

– Ненавижу это прозвище, – добродушно проворчал Брайан, следя своим пронизательным взглядом, как Кендра опускалась в кресло. Ее движения были медленнее и осторожнее, чем им обоим бы хотелось. Кендра бы никогда в жизни не признала это, но сейчас она подумала, что Энни была чертовски права по поводу кресла.

– Мы уберем судороги с помощью массажа, – пообещал он, заметив, как ее тело принялось дрожать.

– Не сегодня, боюсь, – сказала Энни. – Ей придется довольствоваться горячим душем. Заместитель директора Лидз скоро прибедет.

Она покатила Кендру к двери и сказала:

– Мне кажется, он заберет вас домой, агент Донован.

– С радостью жду этого момента.

– Не думайте, что вам удастся так легко избежать физиотерапии, – предупредил Брайан, когда шел вместе с ними по больничному коридору. У лифта он наклонился вперед, чтобы нажать на кнопку. – Я назначаю вам сеансы три раза в неделю, даже если вас выпишут.

Кендра улыбнулась ему, когда двери лифта открылись, а Энни проворно развернула кресло и завезла его в пустую кабину.

– Вы правда не должны переживать по поводу своего прозвища, Брайан. К тому моменту, как мы закончим эти сеансы физиотерапии, я придумаю еще несколько прозвищ для вас, – произнесла Кендра.

* * *

После горячего душа Кендра почувствовала себя наполовину человеком. А когда она оделась впервые за более чем два месяца во что-то, отличающееся от хлопковой сорочки или футболок со свитерами, которые выдавали в больнице, ее ощущения стали еще сильнее. Так как одежда – черный свитер, штаны цвета хаки, практичные хлопковые трусы и лифчик, черные носки и коричневые лоферы – принадлежала ей, то, очевидно, кто-то побывал в ее квартире в Маунт-Плезант в Вирджинии. Из-за косметички, засунутой в небольшой чемодан, она предположила, что это должна была быть какая-то женщина.

Женские штучки, найденные в косметичке, не могли полностью стереть следы пребывания в больнице. Но все же она почувствовала облегчение, когда нанесла на губы малиновый блеск и припудрила свои высокие скулы, которые сейчас выступали слишком сильно, бронзовой пудрой, придающей ее коже эффект загара. До этого ей было далеко, подумала она грустно.

Покинув крошечную ванную, она вздрогнула, когда увидела Филипа Лидза, стоящего у окна и смотрящего на улицу. Он развернулся, его глаза быстро оценивающе оглядели ее:

– Выглядите намного лучше, агент Донован.

Она робко дотронулась до своих ужасно коротких волос и ответила:

– Я... спасибо, сэр. Я рада снова вернуться домой.

– Вы будете на больничном, пока доктор Кэмпбелл не разрешит вам вернуться к исполнению своих обязанностей в Бюро. Но мы с нетерпением будем ждать вашего возвращения. Нам вас не хватало.

Она в этом сомневалась. Кроме Лидза и высшего руководства, из коллег по Бюро ее никто в больнице не посещал. Они послали ей букет, который сейчас увядал на столике, и открытку. Впервые в жизни Кендра была больно поражена, какой одинокой стала ее жизнь. Она всегда была аутсайдером (*ненормальной*). Но из-за своей амбиции доказать себе самой, что она может обойтись без заранее придуманного узкого пути, проложенного для нее родителями, она осталась почти без друзей.

Она двинулась к маленькой сумке, которую принесли вместе с верхней одеждой, и засунула в нее какие-то свои личные вещи. Пять книг. Три журнала. Газеты она оставила.

– Вы знаете, вам нужно будет поговорить кое с кем.

Она посмотрела на Лидза, давая понять, что понимает, о ком идет речь:

– Имеете в виду мозгоправа?

– Не думаю, что они любят этот термин.

– Тогда у нас есть что-то общее. Я не люблю мозгоправов.

– Агент Донован...

– Все в порядке. – Она закрыла сумку и была рада приходу Энни, которая протолкнула инвалидное кресло в дверь.

Она подмигнула Кендре и, похлопывая по задней спинке кресла, произнесла:

– Запрыгивайте, агент Донован.

Кендра осторожно села в инвалидное кресло, поставив сумку на колени. Она изобразила улыбку для Лидза:

– Я в порядке. И вам не нужно ехать со мной всю дорогу до дома. Я справлюсь.

– В этом я не сомневаюсь. Но, кажется, что я уже сказал вам, что вы ценный член нашей команды, спецгент Донован. – Он специально говорил непринужденно и был рад, когда медсестра вмешалась в их разговор, начав то умолять, то приказывать Кендре придерживаться диеты и программы упражнений, а еще дразня ее кем-то по кличке Терминатор.

Доктор Кэмпбелл ждал их на первом этаже и добавил свои слова поддержки, напоминая Кендре о ее расписании занятий физиотерапией, а также о предстоящих обследованиях.

Кендра с облегчением встала с инвалидного кресла. Махая доктору и медсестре, она подошла к «БМВ» Лидза. Этим утром ей все еще было тяжело, но она больше не шаталась. И, боже, как хорошо было снова оказаться на улице. Солнце освещало небо и делало его ослепительно-голубым, а температура, если она не ошибалась, превышала двадцать градусов выше нуля. Неплохо для мая.

Она поступила в больницу в середине марта. Два месяца ее жизни прошли, растворившись как облако дыма. Ей было из-за этого грустно. Но могло быть и хуже, подумала она.

Она могла бы умереть.

Вздыхнув, она скользнула на пассажирское сиденье. Ее руки чесались опустить окно. Но это могло подождать. Когда она вернется в свою квартиру, она сядет на своем крошечном балконе, лицом к солнцу. Бог свидетель, она заслужила немного красок.

Прямо сейчас, однако, у нее были другие важные дела. Она подождала, пока Лидз завернет на шоссе I-495, и повернулась к нему:

– Итак... что произошло с сэром Джереми Грином?

Пальцы Лидза крепче сжали руль. На тот момент это было все, чего удалось от него добиться, но Лидз всегда был хорош в покере, как вспомнилось Кендре.

– Не думаю, что это подходящее время для подобного разговора, – сказал он наконец, взглянув на нее.

– Понимаю. Тогда когда? – она продолжала говорить холодным и спокойным голосом, но ее сердце начинало биться чаще. – Когда мы доберемся до моей квартиры? Завтра? На следующей неделе? Никогда?

– Агент Донован...

Но она уже качала головой:

– Вы знаете, что не сможете скрыть это от меня. Вы отлично постарались, держа меня в неведении, но вы знаете, что, как только я доберусь до своей прихожей, я зайду в Интернет и найду любую чертову информацию о Джереми Грине, которую захочу. Не важно, где она сокрыта, я ее найду.

Лидз вздохнул. Она найдет. Именно благодаря ей ФБР, черт, да американское правительство, не говоря уже о МИ5, напало на след этого ублюдка.

– Долго копать тебе не пришлось бы. И тебе не понравится то, что ты узнаешь, – предупредил он.

– Да неужели, – вздохнула теперь она. – Извините. Я немного... на взводе.

Лидз только кивнул с хмурым выражением лица, лавируя среди остальных машин на своем «БМВ». Кендра подумала, не тянет ли он время, и снова почувствовала, будто бы статическое электричество коснулось поверхности ее кожи. Если бы она была более суеверна, она бы назвала это дурным знаком.

– Сэру Джереми во время перестрелки попали... в руку. На самом деле всего лишь царапина.

– Как... неудачно.

– Они его быстро починили и доставили в Вашингтон. Немногим об этом известно. Только высшему руководству... и теперь еще вам.

Кендра уставилась на него:

– Как такое возможно? Все, кто участвовал в операции, знают, что он был там в тот день.

Они знают, что мы его схватили.

– Не совсем так. Они знают, что мы его вычислили. Но сэр Джереми сразу же призвал своих адвокатов. Американское правительство хотело избежать политического скандала. Он гражданин Британии. Он миллиардер. Это оправдано.

– Оправдано, – Кендра медленно проговорила это слово, – но это ложь.

– Нет. Он был в наших руках дольше, чем кто-либо предполагает. И он согласился сотрудничать с нами.

– Сотрудничать... – ее рот вытянулся в линию. Она знала, что на это они и рассчитывали с самого начала. Боже, да она сама отстаивала этот вариант. Но это было раньше.

– Понятно. Мы будем работать с чертовым ублюдком, который ответственен за смерть членов моей команды? – Несмотря на усилия, ее голос становился все выше. Она хотела ударить по чему-нибудь, но в конце концов просто сжала пальцы в кулаки.

– Мы с ним работать не будем, – не согласился Лидз. – Это он будет работать на нас.

– Где?

Лидз нахмурился:

– Где?

– Где он будет на нас работать? – спросила она резко. – Он же не за решеткой? Не сливает нам информацию о своих клиентах в чертовой военной тюрьме?

– Нет, конечно же нет.

– Мы дадим ему вернуться к своей жизни? – На этот раз она уже не смогла сдержаться. Она ударила по радиоприемнику. – Черт возьми! Я там была! Я видела, как голова Дэниэла взорвалась перед моими глазами! Аллан... – Ее дыхание сбилось, пока она пыталась взять себя в руки. – Боже, у Аллана была жена... они только поженились, – прошептала она, ее ярость улетучивалась, оставляя место одному чудовищному отчаянию. – Так много людей погибло... и мы позволяем этому мерзавцу уйти.

– Он не уйдет. По крайней мере технически, – он посмотрел на нее с подавленным выражением лица. – Черт, агент Донован, мне это все нравится не больше вашего. Но вы же понимали, что так и произойдет. Иногда нам нужно связываться с плохими парнями, чтобы устранить кого-то еще хуже их.

– Как когда мы, например, помогли Усаме бен Ладену бороться с Советским Союзом в Афганистане?

Челюсть Лидза напряглась от ее резкого тона, он сфокусировался на дороге. Кендра скрестила руки на груди и смотрела в окно, также не произнесла больше ни слова. Следующие пять минут единственными звуками в машине было движение за окном и шум колес по асфальту. Он вздохнул, нажав на педаль газа и направив «БМВ» со скоростной магистрали в сторону района Маунт-Плезант.

Он тайком посмотрел на своего молчаливого пассажира и произнес:

– Слушай, мне самому неприятно от того, что, кажется, жизнь этого ублюдка не изменилась, – сказал он наконец. – Но он с нами работает, помогает в подготовке некоторых операций по внедрению. Его сведения пока что нам помогают. Начальство довольно.

– А, ну тогда все в порядке.

– Кендра...

– Я понимаю, – тот гнев, который она на него обрушила незадолго до этого, исчез. Ее слова были будто высечены из льда. Станным образом он предпочитал открытую агрессию. Он осторожно посмотрел на нее и встретился с ее черными, как оникс, глазами. Их выражение

было холодным. Но он не мог понять, что стояло за этим взглядом. – Мне не нужно было говорить с вами о Грине.

– Вы знаете, я бы все равно все выяснила.

Лидз направил машину на парковку перед ее жилым комплексом и остановился:

– Вот почему я сказал вам. Я подумал, что лучше вам узнать об этом от меня.

– Спасибо. И спасибо, что подбросили, – она открыла дверь и вылезла из машины. –

Теперь я уже сама.

Она не успела захлопнуть дверь, как он потянулся в ее сторону и сказал:

– Кендра, ты же не собираешься сделать какую-нибудь глупость?

Она взглянула на него и ответила:

– Меня обвиняли во многих вещах, сэр, но в глупости – никогда.

– Тогда какой-то безрассудный поступок? Сэр Джереми Грин в руках американских и британских спецслужб. Они вряд ли посмотрят положительно на намерение отомстить, которое негативно скажется на их операциях.

Она улыбнулась, но это не рассеяло волнение Лидза.

– Обещаю, я никогда не буду искать Грина ради мести, – сказала Кендра. – Теперь вы довольны?

Он внимательно изучал ее лицо. Напряжение внутри его не улетучилось, ему осталось лишь вздохнуть. Он не мог точно определить причину своего беспокойства, но что-то было в слишком спокойном выражении ее лица. Или, может, в ее улыбке...

Что бы это ни было, он вряд ли мог убедить ее в чем-либо. Вместо этого он просто кивнул и напомнил:

– Хорошо. Я позвоню вам завтра.

Закрыв дверь, Кендра схватила свою сумку и отошла в сторону. Она подождала, пока «БМВ» доедет до конца улицы и скроется из виду. Только тогда улыбка исчезла с ее лица.

Она сдержит обещание. Она не будет искать Грина ради мести.

Но она не обещала не искать его ради справедливости.

5

Три месяца спустя

– Ты покойница, Кендра.

– Я... так... не... думаю... – Было непросто выдавить из себя эти слова, так как мужчина своей жилистой рукой крепко держал ее за горло. Он неровно дышал ей прямо в ухо. Ей удалось повернуть голову так, чтобы ее трахея не была сдавлена, и вложила всю свою силу в удар локтем. Тяжелое дыхание у ее уха сменилось кряхтением. Его хватка ослабла совсем немного, но она использовала небольшое преимущество, схватив широкое запястье и скрутив его. За какую-то долю секунды она поменяла расстановку сил, повернула его вокруг своей оси и сбила с ног. Она могла бы прикончить его коленом, нависшим над его уязвимой областью.

Он тоже это понимал. Он распахнул глаза и произнес:

– Сжался!

Она ухмыльнулась и отпустила его, позволив ему откинуться на мате:

– Тебе повезло, я сегодня добрая, Нейт.

Его широкая грудная клетка поднималась и снова опускалась:

– Да. Добрая.

Чувствуя, что и сама запыхалась, Кендра схватила полотенце со стула и вытерла свое потное лицо. Это был долгий процесс, но теперь она наконец-то чувствовала, что вернулась к своей прежней форме. Она набрала вес, который потеряла в больнице, и ее тело было гибким и сильным. Ее волосы отросли достаточно, чтобы можно было сделать строгую прямую челку и гладкий боб, который заканчивался на четыре сантиметра ниже ее подбородка.

Она была почти готова.

Мысль, возникшая у нее в голове, заставила ее резко встать, ее грудь сжало, как при удущье.

– Эй, – Нейт поднялся на ноги и уставился на нее, – все в порядке? Ты какая-то бледная, даже для бледнолицей.

– Я в норме, – она начала делать растяжку. – Я же, кажется, сбита тебя с ног?

– Это все потому, что ты хитрая, – он схватил еще одно полотенце и вытер пот со своей сверкающей черной как смоль кожи. – Когда ты возвращаешься в Бюро?

Сомнение в глазах Кендры промелькнуло так быстро, что он мог бы его не заметить, если бы не смотрел на нее так внимательно. Ее лицо потухло, и она ответила осторожно:

– Скоро.

– Ты готова.

Она не отреагировала на это замечание и продолжила свою растяжку, выполняя какие-то замысловатые позы йоги. Спустя минуту он подошел к ней и продолжил:

– Знаешь, у меня несколько клиентов работают в Бюро. Сэм Уайт говорил о тебе тут недавно, сказал, что ты исчезла с концами.

– Это не так. Филип Лидз на днях заходил ко мне. – Она не упомянула, что это произошло, потому что она пропустила шесть его звонков. Она устала от его постоянных напоминаний о походе к психотерапевту.

– Просил тебя вернуться?

Она выпрямилась из позы воина:

– Он хочет, чтобы я вернулась, да. Во Флориде есть какое-то дело. Кто-то убивает студентов колледжей.

– Я видел по новостям, – он пошел за ней, пока она направлялась к раздевалке. – Ты нужна им, Кендра.

– А мне нужно время, – она открыла дверь в раздевалку, помедлив в проходе. – В ФБР есть и другие профайлеры, Нейт. Они могут справиться и без меня.

Он нахмурился:

– Говоришь так, будто не собираешься возвращаться.

– Конечно, собираюсь, – ответила она непринужденно, бросив ему улыбку через плечо. – Куда мне еще идти?

Это было ложью, но сказано было убедительно. Может, у нее уже была паранойя, но она не верила во внезапный интерес Нейта к ее карьере или будущему в ФБР. И она точно не собиралась рассказывать ему, что не вернется в Бюро. Черт, если все сложится так, как она планирует, они сами не захотят ее видеть, разве что в тюрьме или в гробу.

После душа Кендра переделалась в свою бледно-зеленую футболку, вареные «Левайсы» и универсальные кроссовки «Найк». Отказавшись от чашечки кофе, предложенной Нейтом, она выдвинулась из зала. Она делала вид, будто не спешит, пока шла по тротуару с сумкой через плечо, лавируя среди пешеходов. Время от времени она останавливалась у витрин магазинов, используя стекло как зеркало, чтобы сканировать толпу на предмет возможного хвоста. Филип Лидз, как ей было известно, начинал нервничать из-за того, что она избегает возвращения на службу. Заставить он ее все-таки не мог. Ранение в голову и серьезные проблемы со здоровьем имеют и свои положительные стороны, заметила она с оттенком сухой иронии. Это давало ей время на разработку плана.

У правительства повсюду были уши и глаза, но она была осторожна. Она заплатила наличными за новый ноутбук и одноразовый телефон. У нее ушло много времени на то, чтобы перебросить деньги со счетов. Большинство американцев не знают о том, что налоговое управление отслеживает все операции, превышающие десять тысяч долларов. Чтобы избежать этого, Кендра хаотично переправляла в разное время разные суммы на счета, зарегистрированные на Каймановых островах и в Швейцарии, которые она открыла на фальшивые организации.

Она также создала себе поддельные документы на несколько несуществующих людей. Первой ее личностью будет Мари Буланже. На это имя она сняла милый коттедж на Лазурном Берегу на ближайшие шесть месяцев. Конечно, она не планировала жить там и оставаться Мари Буланже. Вместо этого она перевоплотится в Анжелику Ломбарди и оседет в Риме на пару месяцев по меньшей мере. У нее были способности к языкам, она владела испанским, итальянским, французским и португальским. За это, кажется, она действительно должна была быть благодарна своим родителям и бесконечным занятиям, которыми они наполняли ее жизнь. Она могла спокойно остаться незамеченной в Европе.

В отличие от сэра Джереми Грина.

Ярость охватила ее мгновенно, она душила ее. Она, конечно, навела о нем справки. У нее ушло две секунды, чтобы найти его. Он постоянно появлялся на фотографиях с какой-нибудь худой, как спичка, моделью, по возрасту годящейся ему во внуки. По последним сообщениям, он намеревался посетить какой-то маскарад где-то в английском замке.

Это привело Кендру в ярость. Он, может, и снабжал разведку невероятно ценными данными, как они все утверждали, но он заслуживал того, чтобы попасть в ад.

Она намеревалась помочь ему в этом.

* * *

Кендра оставила мобильный в ящичке тренажерного зала, а свою машину – на парковке. Она села в автобус и направилась на другой конец города, на шесть кварталов дальше ее нынешнего места жительства. После обеда «Мексиканская столовая» была набита битком и оттуда пахло жареным луком и чем-то пикантным. Официантка, молодая женщина в традиционном платье, улыбнулась ей.

- Вы одна? – спросила она, потянувшись за папкой с меню.
- Того, что мне нужно, нет в меню. *Dónde está Lupe?*²

Женщина бросила на нее удивленный взгляд, а затем нервно посмотрела по сторонам и спросила:

- Вы хотите поговорить с моим дядей?
- Я с ним уже говорила. У меня назначена встреча. Скажите ему, что Кендра его ждет.
- *Un momento, por favor*³, – сказала женщина и исчезла на кухне.

Кендра принялась изучать пестрые картины на стенах. Веселая мексиканская музыка сливалась с голосами посетителей, которые пришли в «счастливые часы», чтобы дешево поесть. Кондиционер казался как нельзя кстати после ее долгой прогулки.

Женщина вернулась, улыбаясь, хотя эта улыбка не сочеталась с выражением ее глаз, которое оставалось озабоченным. Она произнесла:

- *Por favor, me sigue*⁴.
- *Gracias*⁵. – Кендра последовала за женщиной сквозь кухню, где на нее украдкой посмотрели все мужчины, стоявшие у плит, на которых дымились котелки. Они миновали кухню и попали в небольшой закуток, где не было ничего, кроме бетона, мусорных баков, которые воняли протухшей едой, и мух, летавших вокруг них. Женщина подошла к помещению, отделенному гофрированным металлом, и показала на дверь:

- *El tío Lupe te espera adentro*⁶.

Кендра кивнула и проследила глазами, как женщина поспешно вернулась в ресторан. Она постучала по жестяной двери, перед тем как ее открыть и войти внутрь. Комната была длинной и узкой, вдоль стен стояли полки с консервами. В конце комнаты за столом сидел толстый мужчина, он курил сигару, дым от которой создавал пелену, висевшую в и без того достаточно сумрачном помещении. Он говорил по телефону, эмоционально выкрикивая испанские слова. Увидев ее, он сделал ей жест рукой.

- *Muy bueno. Bueno. Usted ha hecho bien, Jesus. Adios*⁷.

Он повесил трубку и улыбнулся. Это была улыбка крокодила, обнажавшая кривые зубы.

- Сеньорита, вы выглядите все так же прекрасно, как и в предыдущую нашу встречу.

Присаживайтесь. Присаживайтесь.

Она продолжала стоять:

- Это не светский визит, Лупе. У вас есть кое-что для меня.

– А. Всего лишь по делу. Вы слишком юны и привлекательны, чтобы все время думать только о делах.

Кендра промолчала. Он посмотрел на нее какое-то время испытывающим взглядом, затем вздохнул. Открыв ящик стола, он вынул оттуда грязный конверт из коричневой бумаги и бросил его ей.

- Это то, что ты хотела, *si?*⁸

Кендра вскрыла конверт и вывалила его содержимое на стол. Там было шесть паспортов. Она внимательно изучила каждый. Единственное, чего в них не хватало, это ее фотографий и персональных данных. Она позаботится об этом позже.

- Хорошая работа, Лупе.

² Где Лупе? (пер. с испанского)

³ Минутку, пожалуйста (пер. с испанского).

⁴ Пожалуйста, следуйте за мной (пер. с испанского).

⁵ Спасибо (пер. с испанского).

⁶ Дядя Лупе ждет тебя внутри (пер. с испанского).

⁷ Отлично. Хорошо. Вы хорошо поработали, Иисус. До связи (пер. с испанского).

⁸ Да? (пер. с испанского)

– Грасиас. – Он наклонил свою голову, второй подбородок при этом затрясся. – Но это не бесплатно, сеньорита.

– Конечно, нет. – Сняв свою тренировочную сумку с плеча, Кендра залезла внутрь и вытащила свернутый спортивный носок. Она передала его ему и забрала паспорта, пока он поспешно развязал носок и нашел там толстую пачку банкнот. Он негромко посмеялся и начал считать. Кендра запихнула конверт в тренировочную сумку. Пальцами она нащупала там пистолет. Она решила не убирать с него руку, пока снова не окажется на улице. Сделка проходила гладко, но лучше было подстраховаться.

– *Грасиас* и адиос, сеньор, – она двинулась в сторону двери, не сводя глаз с мужчины, сидящего за столом.

– *Un momento, senorita*⁹. – Он взглянул на нее вопросительно. – Один вопрос, *por favor*¹⁰.

– Мне казалось, вы не задаете лишних вопросов.

– *Si*. Но это просто очень странная ситуация, сеньорита. Почему вы не хотели, чтобы я помещал вашу фотографию? Ваши личные данные?

– Все просто, Лупе. Чтобы вы не рассказали кому-то того, чего вы не знаете.

– Вы очень осторожная *mujer*¹¹.

– Я осторожная женщина. А вы, сеньор Лупе, еще скажете мне спасибо, когда кто-то придет задавать вам вопросы, ответы на которые вы не сможете дать.

Она казалась ему забавной.

– Кто будет вас искать, сеньорита? Какая-то банда? – спросил он.

– Нет. – Она толкнула дверь, впусив полуденный свет в темную комнату. – Правительство Соединенных Штатов. ФБР. Может, ЦРУ, АНБ или Министерство национальной безопасности.

Улыбка скрылась с его лица, в его глазах впервые промелькнул страх.

– *La madre santa de Dios*¹², – прошептал он. – *Qué has hecho?*¹³

На этот раз она широко улыбнулась:

– Я ничего не натворила, сеньор. Пока.

⁹ Минуточку, сеньорита (*пер. с испанского*).

¹⁰ Пожалуйста (*пер. с испанского*).

¹¹ Женщина (*пер. с испанского*).

¹² Святая Матерь Божья (*пер. с испанского*).

¹³ Что ты натворила? (*пер. с испанского*)

6

Два дня спустя

Кендра села на поезд до Нью-Йорка, а затем взяла такси до международного аэропорта и покинула страну как гражданка Франции Мари Буланже. Пока «Боинг-747» торжественно пролетал над темно-синими водами Атлантического океана, она пыталась расслабиться и не думать о том, что она оставила позади, и о том, что собиралась совершить. Из-за постоянного напряжения ее живот начало крутить, ее кожа становилась то горячей и сухой, то холодной и липкой. Она посчитала пульс, проглотила две таблетки, запив их водой, которую купила после паспортного контроля.

– Голова болит? – спросила участливо женщина рядом с ней.

Кендра посмотрела на нее, пытаясь напустить на себя непонимающее выражение лица.

– *Je suis désolée. Qu'avez-vous dit?*¹⁴

– Ой. Ой, извините. Я не говорю по-французски. – Женщина улыбнулась ей растерянно и поспешно скрылась за журналом «Пипл», который до этого читала.

Кендра почувствовала угрызение совести, но решила, что лучшим способом не вступать ни в какие беседы было притвориться, что она не понимает по-английски. В самолете, полном американцев, у нее был очень высокий шанс сидеть рядом с кем-то, кто не сможет вести беседу на французском.

Конечно, у нее был запасной вариант: айпод, который она сейчас вытащила из сумки. Вставив наушники, она закрыла глаза и заставила свое тело, пусть и не голову, расслабиться, окунувшись в блюзовый вокал Бонни Рэйтт, которая пела о том, чтобы дать кому-то о чем-то поговорить.

Она все отлично запланировала, напоминала она себе. Вчера она позвонила Лидзу и сообщила, что вернется в Бюро через неделю. Она даже записалась на встречу с высшим руководством ФБР. А если этого окажется недостаточно, она убедилась в том, что, если вдруг они начнут искать ее слишком рано, ее следы будут вести в Мексику.

У нее была в запасе неделя, может, и две. Но все, что ей было необходимо, это сорок восемь часов.

Ее желудок, который вроде уже успокоился, снова внезапно екнул.

Сорок восемь часов, и ее жизнь изменится навсегда.

* * *

Кендра всегда считала себя искушенной и повидавшей многое в жизни, но у нее перехватило дыхание, когда она впервые увидела замок Элбридж. Может, свою роль сыграл контраст бархатной зеленой лужайки и неровного серого камня древнего укрепления под шелковисто-синим небом. Или, может, дело было в необыкновенных размерах. Черт, она бывала в городах поменьше, чем этот замок, с его возвышающейся центральной башней, зубчатыми дымоходами и сторожевыми башнями, которые устремлялись в небо.

Она навела справки, самая первая башня была воздвигнута еще во время Вильгельма Завоевателя. На протяжении веков несколько крыльев было присоединено к первоначальному архитектурному ансамблю. В итоге получилось нечто угрюмое и величественное, дышащее престижем и едва скрываемым могуществом.

¹⁴ Извините. Что вы сказали? (пер. с французского)

Гравийная дорога, бледная, как лунный камень, проходила по огромному парку, который утопал в тени деревьев и кустов с фигурной стрижкой. Сверкающая вереница автомобилей была припаркована вдоль бордюрного камня и являлась очевидным водоразделом между прошлым и настоящим.

Кендра осторожно направила по этой дорожке «Вольксваген Гольф», который она взяла в аренду этим утром, и слушала скрип гальки, пока кружила в поисках парковочного места. Если ее пальцы и дрожали немного, когда она выключала зажигание, она предпочитала не замечать этого. Так же как она старалась не замечать рой бабочек, которые населили ее живот.

Перебросив свою большую сумку через плечо, она принялась пробираться по направлению к толпе, собравшейся перед каменными ступеньками, которые вели в вестибюль замка. Большинство присутствовавших были молоды. Во многих она узнала профессиональных актеров. Эти люди прекрасно подходили для ее цели.

Беспощадно деловитая женщина быстро сбегала вниз по каменным ступеням. В одной руке у нее был планшет, в другой ручка, которая в ее руках стала больше походить на кинжал, когда она гневно направила ее на мужчину, стоявшего в первом ряду.

– Марк, чертово ты быдло, я же попросила сбрить эту дебильную бородку у тебя на подбородке, – в ее голосе звучало неудовольствие. – Ты здесь играешь роль лакея, а не типа крутого рэпера. – Она опустила руку, пряча планшет под мышку, и энергично захлопала в ладоши: – Так, все! У нас три часа на то, чтобы одеться и распределить роли до того, как приедут господа. Они хотят, чтобы все было реалистично! А сейчас идите по указателям в зал для прислуги и одевайтесь!

Кендра подождала, пока толпа рассосется. Женщина, нахмурившись, подняла на нее взгляд, когда Кендра подошла:

– А ты кто?

– Кэсси Браун, – солгала Кендра. – Извините, я опоздала.

– Какие придурки! Я говорила им, чтобы не присылали мне никого с короткими волосами. – Нахмурившись еще больше, женщина принялась постукивать ручкой по клавиатуре. – Нам нужен Шерлок Холмс, а не Кэти Холмс!

– Я думала, это костюмированная вечеринка начала девятнадцатого века.

– Да. И что с того?

– Шерлок Холмс был создан лишь в конце века.

– Ты что, умная? Да еще и американка. – Злость сменилась отвращением. Она прекратила барабанить ручкой и закатила глаза. – О чем они думали? Сами же говорили: «Хотим, чтобы было реалистично», а теперь отправляют мне чертову американку, которая выглядит как долбаная феминистка. Ну, на хрен! – Она возмущенно пожала плечами и принялась перебирать листы, прикрепленные к планшету. – Нам все еще не хватает личных горничных. – Она быстро сделала запись и, оторвав полоску бумаги, передала ее Кендре. Она показала в сторону удаляющейся толпы. – Иди за ними в зал для прислуги. Пусть сами возятся с твоими волосами. Мы стараемся создать настроение. Это проблема «Старк Продакшнз», что они доверили это тебе.

Пока женщина не успела передумать, Кендра поспешила присоединиться к актерам, которые плелись впереди по дорожке. Молодая женщина с длинными рыжими волосами метнула на нее сочувствующий взгляд и сказала:

– Случайно услышала ваш разговор. Не позволяй этой старой корове докучать тебе. Ты выглядишь потрясно. Я уже давно хочу такую прическу, как у тебя.

Кендра провела рукой по волосам, которые спадали плотным каскадом немного ниже линии подбородка. Ее рот непроизвольно сжался, когда она вспомнила причину, почему теперь у нее именно такая прическа.

– На твоём месте я бы не переживала по этому поводу, – продолжила девушка, неправильно расценив ее выражение лица. – Миссис Питерс все утро трещит о наших полях. У нее

просто какая-то паранойя на этот счет, в хорошем смысле. Но эти придурки сюда не за реализмом приезжают. Они хотят провести выходные, играя в маскарад и напиваясь вдрызг. Им все равно, короткие у тебя волосы или длинные. Мужчинам точно все равно. Им важно тебя трахнуть. – Она ухмыльнулась Кендре. – Я Сэлли, кстати.

– Кэсси.

– Ты актриса?

– Можно и так сказать.

Сэлли не почувствовала иронию в ее ответе и продолжила:

– Я тоже. Я участвовала в фестивалях Шекспира. Вы в Америке любите великого барда.

И я играла служанку из кабака прошлым летом в Вилле Литтлкоут.

Это замечание привлекло внимание одного молодого человека, который шел впереди. Повернувшись, он похотливо улыбнулся Сэлли:

– А, Сэлли, девочка моя, можешь *обслужить* меня в любое время!

– Бесстыдник! – Сэлли засмеялась, сделала пару выпадов вперед и беззлобно врезала ему по руке. – Этого идиота зовут Ян, Кэсси. Не верь ни единому его слову. У тебя вообще какая здесь роль? – Она посмотрела на него: – Придворный шут?

– Какая дерзкая служанка! – Ян перевел взгляд на Кедру. – Американка, да? Голливуд? Черты лица у тебя для большого экрана, это точно.

– Осторожно, Кэсси. Ян считает себя чертовым Джеймсом Бондом. – На этот раз это Ян игриво шлепнул ее.

Робко улыбаясь, Кендра слушала, как они обменивались колкостями. Остальные, услышав их разговор, присоединились к ним, и их добродушное подшучивание друг над другом звучало так непосредственно, что она подумала, что они знали друг друга до этого конкретного заказа. Было мило... И на одну лишь секунду ею овладела зависть. Они были командой – вот что она почувствовала.

Она знала, каково это – быть частью команды, хотя такого непринужденного веселья она никогда не знала. Ставки всегда были слишком высоки. Поиск серийных убийц, педофилов или террористов просто несовместим с беззаботной атмосферой. Юмор, знакомый ей, был злым, циничным и саркастичным.

Гомон почти что дюжины голосов встретил их, когда они вошли в замок, и лишь усиливался, пока они продвигались по широкому коридору сквозь арочные проходы. А вот и источник шума: невероятных размеров комната с высокими потолками и камином таким большим, что там можно было зажарить настоящего медведя. На это следовало обратить особое внимание, но сегодня это было уже запоздалое соображение, потому что поток кипящей деятельности вокруг был невероятно быстрым. Все поверхности, включая длинный стол из сосны, были уставлены коробками и стопками с одеждой.

Это немного напоминало кулисы каких-то постановок на Бродвее, подумала Кендра. Организованный хаос. Сотрудники из «Старк Продакшнз» разделили пространство на специальные секции: «Личные горничные», «Камердинеры», «Служанки», «Лакеи», «Посудомойки» и что-то вроде «Служанки, помогающие другим слугам».

Когда Сэлли встала в очередь в секцию посудомоек, Кендра присоединилась к личным горничным, передавая женщине обрывок бумаги, который ей вручили. Ее в очередной раз подвергли оценке.

– Волосы не подходят.

– Так мне и сказали.

Женщина пожала плечами:

– Восьмой размер, да?

Кендра в уме прикинула свой размер в местных величинах и кивнула. Женщина всучила ей сверток с одеждой.

– Обувь?

– Семь... ой, то есть четыре с половиной.

Женщина вытащила пару уродливых черных полуботинок из коробки:

– Можешь переодеться в комнате по коридору. Третья дверь справа.

По меньшей мере дюжина женщин в различной степени наготы предстали перед ней в комнате, которую переоборудовали под женскую раздевалку. Внимательно посмотрев на высокие белые стены, Кендра задумалась об изначальном назначении этого помещения.

– Интересно, правда? – сказала Сэлли, подойдя сзади к Кендре. Она распаковала свой комплект одежды, положила его на скамейку и начала раздеваться. – Когда я играла служанку в кабаке, мне хотя бы разрешалось оставить свои трусы, – заметила она для поддержания диалога, поднимая стройную ногу, чтобы надеть черные шерстяные колготки, а потом и плотные подвязки. – У них даже швов нет. С таким же успехом я могла бы пойти в чем мать родила.

Кендра изучала нижнее белье, которое выдали ей, и заметила:

– Они явно не шутили про аутентичность.

Сэлли засмеялась и показала простое бесформенное белое одеяние из хлопка, которое отдаленно напоминало ночную рубашку.

– Это сорочка. А это, – она показала пальцем на прямоугольный лоскуток с одной-единственной завязкой, – называется «корсаж». Его надевают на сорочку. Вроде лифчика.

– Хм. А это что? – Кендра достала длинный кусок ткани, который напоминал пояс для платья, но имел два вшитых мешочка.

– Карманы. Завязываешь пояс вокруг талии. Под платьем. В юбке есть прорези, чтобы можно было залезть в карманы... Видишь? – Сэлли продемонстрировала. Выглядело как женская версия пояса для инструментов у рабочих. – Ты знала, что в те времена карманы считались чем-то сексуальным? Женщина, которая показывала свои карманы, считалась шлюхой.

– Думаю, свои карманы я никому показывать не буду.

Кендра разместила свою сумку под скамейкой и сняла кофту. Сэлли зашнуровывала полуботинки, но вдруг остановилась.

– Боже. Что произошло?

– Что? А, это, – Кендра поняла, что девушка смотрела на страшные шрамы на ее ноге, руке и торсе. Она, изображая застенчивость, поторопилась влезть в старомодную одежду.

– Ничего. Я попала в аварию. – Она сделала вид, что занята завязыванием корсажа. Затем надела платье из парусины цвета баклажана.

– Повернись, я тебя застегну, – приказала Сэлли, и после того, как Кендра послушно повернулась спиной, она принялась проворно застегивать пуговицы. – Я не хотела тебя смущать. Они выглядят как... ну, не важно. Вот, готово! – Она заставила свой голос звучать весело. – Ты выглядишь как милая горничная, Кэсси. А я же – скромная посудомойка, – она повязала свой фартук.

– Ты бы предпочла быть горничной?

– Я бы предпочла быть леди! – засмеялась Сэлли. – Интересно, много ли богатеев сегодня вечером проникнет в чьи-то спальни, чтобы пошалить?

– Ты так романтична, – сказала Кендра сухо.

– Это же домашняя вечеринка эпохи регентства, Кэсси. Так они и поступали! У тебя уже есть распределение в комнату?

– Распределение? – Кендра натянула свои колготки и подвязки и теперь держала в руках полуботинки.

– Ну, у тебя же не будет своей комнаты. Ты, может, и выше меня на социальной лестнице. Но все же ты прислуга, – ухмыльнулась она. – Я заметила, ты не взяла с собой много вещей. Если тебе нужна помощь, чтобы забрать что-то из багажника, я уверена, Ян согласится помочь.

Кендра отвлеклась от шнуровки ботинок.

– Спасибо, это очень любезно со стороны Яна. Но я справлюсь.

Конечно, у нее не было намерения остаться тут на ночь. Как только она закончит свою миссию, сразу исчезнет. Ей нужно будет испариться до появления полиции.

– Мне нужно для начала осмотреться.

– Смотри, чтобы миссис Питерс не застала тебя в личных комнатах. Ты пропустила, она нас в начале около часа инструктировала по поводу того, какое тут все чертовски старое и бесценное.

Кендра встала, выжимая из себя улыбку:

– Обещаю быть осторожнее.

По крайней мере, здесь она не лгала. Она планировала быть очень осторожной.

И речь здесь была не о миссис Питерс.

* * *

Более четырех сотен гостей весело общались в ярком свете канделябров в большой балльной комнате. В других обстоятельствах Кендра, может, даже получила бы удовольствие, наблюдая за толпой, в которой мелькали очень известные мировые звезды в образах, соответствующих началу девятнадцатого века. Они выглядели почти как в учебниках истории. Почти. Если не обращать внимания на татуировки и пирсинг, которые были особенно заметны у женщин.

– Вот это аутентичность, – проворчала она себе под нос.

Ее глаза остановились на человеке на другом конце комнаты.

Сэре Джереми Грине.

В мягком свете комнаты его волосы блестели, как начищенное серебро. У него были аристократические черты, и он выглядел по меньшей мере на десять лет моложе своих лет. Ему точно нельзя было дать шестьдесят один год, и все благодаря скальпелю умелого косметического хирурга, разумному использованию ботокса и самым современным коллагеновым филлерам. Его тело под вечерним туалетом, который немного напоминал смокинг, пусть и с бриджами, было подтянутым и накачанным, что объяснялось, без сомнения, членством в одном из самых эксклюзивных фитнес-клубов Лондона.

Пока она смотрела на него, он поднес изысканный хрустальный бокал к губам, выпил шампанское, которое, возможно, стоило как недельная зарплата какого-нибудь скромного сотрудника «Гринуэй Интернешнл». Кендра снова почувствовала раскаленную ярость внутри себя. Черт бы его побрал. Он болтал, улыбался, смеялся. Этот человек, этот монстр, который был ответственен за столько ужасов.

Злость была приятна на вкус. *Катарсис*. Она затмевала мучительную тревогу, которая весь день нарастала у нее внутри.

Пора.

Кендра вытащила записку из своего кармана и оглянулась. Какой-то лакей держался в стороне и внимательно наблюдал за гостями – примерно так же, как она.

Она подошла к нему и, натянув улыбку, произнесла:

– Простите... – тут ей пришлось удивиться, когда он холодно посмотрел на нее, прежде чем круто повернуться и удалиться с раздраженным видом.

– Придурок, – проворчала она себе под нос, проводив его взглядом. Она покачала головой, снова оглядела помещение и тут с облегчением заметила Яна в парике и ярко-голубом лакейском наряде. Он лавировал между гостями с тележкой, заваленной пустыми бокалами от шампанского. Она преградила ему путь у колонн из каррарского мрамора рядом с двухстворчатými дверьми.

– Ян? Эй!

Он повернул голову в ее сторону и ухмыльнулся:

– Кэсси, что ты тут делаешь? Я думал, личные горничные могут находиться только наверху.

– У меня поручение, – она призвала все свои доселе дремавшие актерские способности, чтобы излучать непринужденность, от которой она была крайне далека. – Одна... м, леди интересуется одним джентльменом. – Она изобразила сдавленный смех. – Сэрм Джереми Грином. Знаешь его?

– Кэсси, *все* в Великобритании знают сэра Джереми Грина.

Вероятно, это было правдой. Они просто не знали, *что* он собой представляет.

– Ну, она хочет, чтобы ему незаметно передали эту записку, *очень* незаметно, так как она вроде как замужем.

– Правда? – Глаза Яна загорелись чисто мужским интересом. – Кто она?

– Я обещала хранить молчание, но ты, скорее всего, видел ее в кино. – Это было достаточно туманно. Кендра не хотела называть имен на случай, если актриса, которую она назовет, вдруг окажется рядом с сэром Джереми, когда Ян принесет записку. Лучше было выразаться неопределенно. – Она хочет встретиться с ним в кабинете.

Ян нахмурился:

– В кабинете? Это же старая часть замка? Нам нельзя туда ходить. Не думаю, что даже богатеям разрешено. Эту часть отгородили.

– Думаю, уединение – это то, что ей нужно.

– Полагаю, меня не касается, где они там собираются грешить, – он пожал плечами, потянувшись за запиской. – Сейчас возьму тележку с напитками и доставлю ее.

– Незаметно, – напомнила она.

Он ухмыльнулся, кивнул и скрылся. Кендра подождала какое-то время, прежде чем самой покинуть бальную комнату. Уворачиваясь от мнимых слуг, бегающих вверх и вниз по лестнице, она дошла до раздевалки и забрала оттуда свою сумку.

Предварительно она бегло ознакомилась с помещениями замка, черпая данные из Интернета. Она выбрала кабинет в старинной части замка по двум причинам. Во-первых, как сказал Ян, он был вне досягаемости. Кто бы ни владел или ни управлял замком (возможно, Британский Национальный фонд), он оцепил те комнаты, чтобы гости там не бродили.

И, во-вторых, эта комната могла похвастаться наличием тайного прохода.

По правде, это была не редкость для старых исторических домовладений в Великобритании. У страны была долгая кровавая история, полная политических интриг и религиозных преследований. Тайники и тайные проходы выручили многих английских аристократов. И, если что-то пойдет не так, это может выручить и ее.

Кендра подошла к бархатному канату, который отгораживал частную территорию, оглянулась украдкой по сторонам, а затем подлезла под ним. Несмотря на все ее усилия сохранять спокойствие, ее сердце принялось учащенно биться, когда она шла по коридору.

Здесь, вдали от вечеринки, замок казался пустым. Единственными звуками были шелест ее юбки и приглушенные шаги по винно-коричневой ковровой дорожке. Ковер выглядел старым, но, опять же, старым было все в этом замке. Но все же, как ей было известно, эта часть замка была старше остальных на несколько веков. Если бы у замка было сердце, то оно находилось бы здесь. Эти стены из холодного камня были немymi свидетелями рождений и убийств. Интерьер дополняли настенные канделябры, тени от которых скакали и плясали на стенах.

Кендра подавила дрожь. Она убеждала себя в том, что у нее просто разыгралась фантазия, но все же она испытала облегчение, когда дошла до двери кабинета. Та была заперта: Кендра убедилась, что заперла ее, когда вышла из комнаты двумя часами ранее. Лучше было лишний раз подстраховаться.

Ее сердце начало бешено биться в груди, так громко, что беспокойные удары отзывались даже у нее в ушах, но, несмотря на это, ее рука уверенно опустилась в сумку и вытащила

оттуда две тонкие проволоки. Отпиранию замков в «Куантико» не обучали, но она узнала, как это делается, когда пыталась разобраться в поведении преступника, который залезал в дома посреди ночи.

Она задержала дыхание, пока орудовала проволокой, затем выдернула ее с чувством удовлетворения, когда механизм щелкнул. На это ушло меньше минуты, намного меньше, чем когда она заходила в комнату в первый раз. Она бросила проволоку обратно в сумку и просочилась в дверной проем, после чего включила лампу, представлявшую собой стилизованные под эпоху канделябры.

Она осмотрелась. И подумала, что ничего не изменилось. Никто не входил в комнату, с тех пор как она покинула ее ранее. Красное вино в массивном хрустальном графине было там, куда она его поставила: в элегантном серванте.

Это была интересная комната. Она была восьмиугольной формы, с высокими стенами, украшенными панелями из красного дерева и покрытыми обоями из зеленой шелковой ткани, того же темного оттенка, что и обитая бархатом мебель в комнате. Здесь был и камин, такой же большой, как и тот, в комнате для прислуги, но его портал был украшен богаче, резьбой в неоклассическом стиле. Над ним в элегантной рамке висела картина, написанная масляными красками, изображавшая женщину и ребенка, одетых, по-видимому, в наряды конца восемнадцатого века. У противоположной стены стояли книжные шкафы в греческом стиле, по бокам от них на уровне ее груди располагались две китайские вазы с изображениями голубых драконов на жемчужно-белом фоне. Стол из красного дерева – чиппендейловский, если она не ошибалась, – располагался перед огромным, похожим на средневековый, гобеленом, вышитым сценой охоты. За тканью, хитро спрятанная в настенной панели, скрывалась дверь.

Она изучила ее ранее, нашла механизм, который открывал замок. За дверью было тесное пространство и каменная спиралевидная лестница, ведущая наверх. Ступени вели в большую комнату с огромными готическими окнами на северной и восточной стенах. Она не знала, для чего это помещение использовалось раньше, так как сейчас оно пустовало, но здесь была еще одна дверь, которая вела в коридор недалеко от лестницы для прислуги, спускающейся до самого нижнего уровня.

Она планировала исчезнуть по этой лестнице до того, как кто-то заметит, что сэр Джереми исчез. Конечно, его могли не обнаружить и до утра, а к тому времени она уже будет направляться на самолете в Рим.

Кендра вернулась в настоящее и принялась за работу. Открыв свою сумку, она надела латексные перчатки и аккуратно достала маленькую баночку с кремом для лица. Она быстро сняла крышку и нырнула в крем пальцами, чтобы вытащить маленький пластиковый пакет, содержащий ровно один грамм белого порошка.

Теперь ее сердце колотилось совсем по другой причине. Ее ладони в латексных перчатках начали потеть. Она старалась сохранять спокойствие, но было что-то ужасающее в том, чтобы держать в руках один из самых смертельных ядов в мире. Ригин. Одной четвертой чайной ложки будет достаточно, чтобы стереть с лица земли население в 36 тысяч человек.

Она не хотела даже представлять себе, как эта доза подействует на одного человека.

Кендра осторожно высыпала белый порошок в хрустальный винный бокал «Уотерфорд», который специально приобрела. Ее руки чуть дрожали, когда она подняла графин и вылила красное вино в бокал. В мягком свете оно сверкало, как кровь.

Она поставила бокал и графин на серебряный поднос и отошла. Только тогда она заметила, что все это время не дышала.

Она выпустила воздух из легких, и ей потребовалась пара минут, чтобы восстановить дыхание. Затем она сняла латексные перчатки и убрала их обратно в сумку. Она посмотрела на часы из мрамора и бронзы, которые стояли на каминной полке. Через десять минут сэр

Джереми Грин придет, предвкушая, что здесь у него состоится встреча с таинственной восходящей звездой.

Кендра ни секунды не сомневалась, что он придет. Она его изучила. Составила его *портрет*. Несмотря на то что у него уже была любовница, красивая молодая модель из Италии, которая его здесь сопровождала, он не сможет устоять перед приглашением другой тайной поклонницы. Это был его почерк. А когда он придет, она нальет ему вина. Достаточно будет одного глотка, и действие яда отключит его нервную систему, он упадет на пол, несколько органов откажут сразу.

Представляя это, она почувствовала небольшую тошноту и вдруг задалась вопросом, справится ли она с этим планом. Затем она услышала приближающиеся шаги.

Поздно что-то менять.

Она вобрала в легкие воздух, пытаясь успокоиться, одновременно убеждая себя в том, что то, что произойдет дальше, будет справедливым. И, как только эта черта будет подведена, пути назад уже не будет.

Дверь, лишь слегка приоткрытая, резко отворилась. Из своего угла она разглядела тонкую и элегантную руку сэра Джереми, которая обхватила дверную ручку. Кендра выпрямилась, заставляя себя принять подобострастный вид.

Сэр Джереми остановился, и Кендра почувствовала смятение, когда он сделал шаг от двери. Затем она услышала шаги. И снова.

Кендра застыла. Это что, любовница сэра Джереми шла за ним следом, заподозрив его в неверности? Ее взгляд резко метнулся в сторону бокала с вином. Проклятье. У этой дурочки, может, и был плохой вкус на мужчин, но смерти она не заслужила. Ей все-таки придется отказаться от своего плана.

– Что ты здесь делаешь? – сказал сэр Джереми. Его голос звучал резко и слишком громко в тишине коридора.

– Наш последний груз конфисковало управление по борьбе с наркотиками, – ответил другой голос, ниже. Это был мужской голос с небольшим акцентом.

– Я слышал. Надо быть осторожнее. – Голос сэра Джереми звучал презрительно.

– Мы были осторожны. Наши источники говорят, что кто-то нас сдал.

– Что? Кто? Что ты, черт возьми, такое делаешь? – Голос Грина стал выше. – Ты что, с ума сошел?

Раздался странный глухой звук, и у Кендры чуть сердце не выпрыгнуло из груди, когда дверь вдруг влетела внутрь комнаты и ударилась об стену. Она в шоке наблюдала за тем, как Грин упал на спину, его лицо искривилось в агонии, а руки прижались к грудной клетке. Кровь сочилась через его пальцы. Несмотря на то что ее ум был сейчас занят просчетом дальнейшего возможного сценария, она посмотрела на мужчину в дверном проеме и сразу же узнала его: это был тот самый недружелюбный лакей из бальной комнаты.

Их взгляды встретились, время замерло. Затем взгляд Кендры упал на пистолет, который он умело держал в руке, на стволе красовался глушитель. У нее сработал инстинкт самосохранения, и она ринулась в сторону скрытого прохода прямо в тот момент, когда он нажал на курок. Еще один глухой звук. Пуля попала в каминную полку, мраморная пыль разлетелась по комнате. Кендра добралась до гобелена, когда бело-голубая китайская ваза разлетелась вдребезги.

Она оставила дверь в настенной панели немного приоткрытой: предосторожность, которая сейчас могла спасти ей жизнь. Сражаясь с гобеленом, она распахнула панель и нырнула внутрь. Она затворила за собой дверь и погрузилась в крошечную тьму.

По ее подсчетам, у киллера уйдет меньше минуты на то, чтобы понять, как попасть в этот проход.

О боже, о боже, о боже...

Не видя ничего перед глазами, она, спотыкаясь, принялась взбираться на лестницу, руками ощупывая пространство перед собой.

Черт! Почему так темно? Она же оставила дверь наверху лестницу открытой... но, конечно, был уже вечер, и, если какой-то лунный свет и проникал сквозь окна в комнате наверху, он, скорее всего, был слишком слаб, чтобы достичь лестничного пролета. Как она могла быть так откровенно глупа? Ей следовало оставить включенным свет в комнате наверху. Но она не ожидала такого поворота событий. Кто бы мог подумать, что она будет не единственной, кто захочет убить сэра Джереми? Каков был шанс такого развития событий?

Прислушиваясь к малейшему звуку, который мог бы предупредить ее о том, что убийца нашел скрытый проход, Кендра пыталась как можно скорее забраться наверх. Но, как бы сильно ей этого ни хотелось, она не могла передвигаться достаточно быстро по узким, извилистым ступенькам. Было слишком темно. Она даже не видела своих рук, которые блуждали по холодным сырým стенам. Одно неверное движение – и она упадет и, возможно, сломает себе шею.

Разве это не лучше, чем пуля в голову?

Она слышала, как тяжелое дыхание сбивчиво вырывается из ее грудной клетки. Кожа была липкая от ее собственного пота, во рту был кислый вкус. *Страх.*

Сердце бешено колотилось, пока она залезала вверх по спиралевидной лестнице. Она начинала чувствовать приближение приступа клаустрофобии, на ее грудь что-то сильно давило, будто раздавливало и ее. Сколько еще ступеней?

Воздух вокруг нее, казалось, затрещал от статического электричества, и вдруг температура будто упала до минусовой отметки. В тот момент, когда у нее начали стучать зубы и она с трудом пыталась осознать, что за странные вещи с ней происходят, невероятной силы волна сбила ее с ног и заставила отступить на одну ступеньку вниз.

Паника билась у нее в груди, как зверь в клетке, и тут она почувствовала невероятную боль. Она будто горела. Все ее тело жгло, эпидермис будто отслаивался слой за слоем, обнажая подкожную основу, затем волокнистые веревки мышц под ней, пока и это все тоже не исчезло, оставляя только кости.

С криком – она, догадываясь, что, должно быть, кричала, хоть и не слышала ничего за оглушающим ревом в ушах, – она продиралась сквозь сжимающуюся темноту, которая вдруг стала более твердой, более крепкой, чем она.

О боже...

Ее голова кружилась, она будто вновь и вновь падала вниз. Кожа таяла, как воск, затем заново формировалась, регенерировалась перед тем, как снова испариться с безумным всепоглощающим приступом боли. Она больше не понимала, был ли воздух вокруг горячим или холодным, но она чувствовала, как он бьет ее по лицу, нанося режущие удары, словно лезвием бритвы.

Так же быстро, как все это началось, все пропало. Безумная боль исчезла. Сознание возвращалось обратно. Она чувствовала холодные каменные ступени под своими ногами. Влугу от слез на лице. И тут она поняла, что свернулась в позе эмбриона.

Подавляя рыдания, она выпрямилась и, шатаясь, встала на ноги. Темнота начала рассеиваться. Она видела свои руки, вытянутые вперед, похожие на белых мотыльков в темноте, и чувствовала почти что окрыляющее облегчение. Она не исчезла, в конце концов.

Но все же она не могла избавиться от паники. Что, если ужасная темнота еще вернется? Что, если вернется боль? *Что, если, что, если, что, если?..*

Ей нужно было двигаться дальше. Вверх по лестнице, в безопасное место. Только...

Глубины ее разума говорили о том, что, что бы за чертовщина с ней только что ни произошло, продолжение этого ожидало ее наверху.

Это было сумасшествие. Что-то нерациональное. Она это понимала, но все равно не могла заставить себя подняться. Она бы предпочла встретиться с тысячей убийц, чем снова ввергнуться в эту ледящую темноту.

Дрожа, она толкала себя вперед ... и назад. Тяжело дыша, она кинулась к закрытой двери и принялась истерически стучать в панель на стене.

Прошло всего несколько секунд, которые показались ей часами, прежде чем дверь открылась. Потеряв равновесие, Кендра встретила с удивленным взглядом двух мужчин, стоявших по другую сторону двери, и упала. Боль, на этот раз самая обыкновенная, пронзила ее колени, когда она упала на пол.

– Помогите... мне... – только и смогла произнести она хриплым голосом. Она полностью обессилела и рухнула лицом вперед.

7

1815

– *Боже правый!* Она мертва?

Кендра почувствовала на своих плечах руки, которые пытались ее поднять, передвинуть. Боль захлестнула ее, за ней последовало мерзкое сальное ощущение. Боже, как же у нее болела голова. У нее возникло мгновенное головокружительное ощущение дежавю, когда она открыла глаза. Над ней склонилось лицо какого-то мужчины. Зеленые, как листва, глаза внимательно глядели на нее из-за колючих черных ресниц под суровыми черными бровями. Она увидела точеные скулы, прямой нос, чувственный изгиб рта и квадратную челюсть с небольшой ямочкой на подбородке, затем мужчина отодвинулся от нее.

– Она жива, – услышала она, как он сказал не без иронии.

– Слава богу. – Это было произнесено со вздохом облегчения. Другое лицо возникло в области ее зрения, оно сильно отличалось от первого. Этот мужчина был старше, ему было на вид около шестидесяти, у него было вытянутое лицо, довольно толстый нос, седеющие светлые волосы и обеспокоенные светло-голубые глаза.

– Как она, Алек?

– Я не аптекарь. Почему бы тебе не спросить у нее? Она вроде бы пришла в себя.

Старший мужчина нахмурился:

– Кто она? Что она делала в проходе? Как вас зовут, мисс?

– Кендра, – прошептала она. – Кендра Донован.

– Что она сказала? – спросил привлекательный молодой мужчина.

– Она сказала, ее имя – Кендра Донован. – Кендра почувствовала, что ее руку схватили и легонько погладили. – Что произошло, моя дорогая? Алек, принеси ей чего-нибудь попить.

Наступила пауза. Затем вздох, скорее раздраженный, чем сердитый.

– Проклятие.

Снова Кендра почувствовала, как неловко обвивают руками ее плечи и пытаются перевести в сидячее положение. Она подавила стон, когда из-за движения в ее голове что-то опять взорвалось. По ее телу пробежала сильная дрожь. В нее опять стреляли?..

– Вот, моя дорогая. Выпейте это.

Ей это стоило усилий, но она дотянулась до бокала. Ее пальцы ощутили тяжелый хрусталь, прежде чем она сфокусировала свой взгляд на алой жидкости. Ее оглушило воспоминание, и все ее тело дернулось в ужасе. Неосознанным движением она оттолкнула бокал, и он накренился в руках пожилого мужчины. Содержимое разлилось, его белый галстук и рубашка стали кроваво-красными, затем брызги полетели и на пол.

– Сукин сын! – Кендра быстро сложилась всем телом в сидячее положение, в шоке уставившись на красные пятна. Ее сердце подскочило к горлу и принялось бешено стучать.

– Боже правый, что с этой девушкой? – спросил пожилой мужчина растерянно.

– Быть может, сильное отвращение к напиткам?

– Не шути, Алек. Она вся дрожит. Она точно болела. Посмотри на ее волосы.

Боже, они из «Старк Продакшнз»? Кендра лихорадочно пыталась понять, что происходит. Она с трудом встала, ее взгляд одичало блуждал по комнате. Какая-то ее часть приняла и поняла, что лакей с глушителем исчез. Если бы она выполнила свою миссию и вручила бы сэру Джереми графин с рицином, она бы тоже исчезла. Но что же с Грином? Он мертв. В этом она была уверена.

Так где же его тело?

Когда ее глаза задержались на месте, куда упало тело, ей стало ясно, что в этой комнате что-то было не так. Мебель казалась другой, не только внешне, но и расставлена она была

иначе. Разве диван не стоял перед камином? Ее замешательство усилилось, когда она поняла: кто-то развел уютный огонь в камине, оранжево-желтое пламя облизывало толстые бревна с громким треском и хрустом. «*Боже, сколько же я была без сознания?*»

Ее грудная клетка напряглась, когда новая волна паники накрыла ее. Она вообще не помнила, чтобы теряла сознание. Она помнила только мучительную боль, из-за которой казалось, будто с нее снимают кожу прямо до костей. Она помнила ужасную темноту. Головокружение. Но она точно не падала в обморок.

– Дорогая?..

Она повернулась к пожилому мужчине. Он был одет примерно как сэр Джереми, только пиджак был из темно-коричневого бархата. Его рубашка и галстук теперь украшали пятна от вина. Ее взгляд помрачнел, когда она это увидела, вспомнив, что примерно так же кровь разлилась по рубашке Грина. Где же он? Мертвец не может взять и исчезнуть!

– Алек, по-моему, она сейчас опять упадет в обморок!

– И что я должен сделать? У меня с собой нет нюхательной соли. – Как и у пожилого мужчины, у него был акцент, говорящий о его принадлежности к британскому высшему обществу, хотя, как показалось Кендре, он больше был похож на итальянца или испанца, чем на англичанина. В отличие от пожилого мужчины, он не скрывал своего презрения.

Он стоял у камина, вальяжно облокотившись о каминную полку. Однако Кендре казалось, что эта его непринужденная поза создает обманчивое впечатление. Его глаза по-прежнему пронзительно смотрели на нее, и было что-то напряженное в его высокой статной фигуре, что заставило ее отвести взгляд с ответной настороженностью.

Кендра переключила свое внимание с его пронзительных глаз.

– Я не упаду в обморок, – но, как только она произнесла эту фразу, она сама усомнилась в этом. Когда ее взгляд упал на свечи, мерцавшие в канделябрах на стене, к ней опять подкатил приступ головокружения.

– Дорогая, может, вам нужно присесть... – снова произнес пожилой мужчина, но она едва слышала его сквозь глухой рев в ушах. *Свечи...*

Она оглядела комнату, заметив несметное число свечей, мерцавших повсюду. «Как?.. – спросила она себя и сделала шаг к канделябру, украшавшему стол: в нем сверкала дюжина тонких свечей.

– Свечи, – прошептала она, протягивая к ним руку, хоть ее разум и отказывался верить глазам. *Невозможно...*

– О чем это она? – спросил пожилой мужчина.

– Эта чудачка, вроде, восхищается вашими свечами, Дьюк.

Кендра не обратила внимания на его сухой тон, слишком она была увлечена загадкой перед своими глазами. Как кто-то мог всего за несколько минут заменить электрические лампы, хитроумно спрятанные в светильниках? И что важнее: *зачем* кому-то это понадобилось? Она ничего не понимала.

Но это было так. Они были настоящими. Боже, она чувствовала их *жар* кончиками пальцев.

Вдруг она развернулась, и то ли предчувствие, то ли страх заставил ее двинуться вперед, к камину. Зеленоглазый мужчина выпрямился, когда она подошла и с сузившимся от ужаса взглядом дотронулась руками до каминной полки, находившейся в идеальном состоянии. «Это невозможно», – подумала она снова. Ее пальцы тряслись, когда она пыталась нащупать бороздки на безупречном мраморе. Закрыв глаза, она снова увидела, как после столкновения с пулей разлетаются куски камня. Черт побери, ей же это не привиделось! «Итак... может, ей это все мерещится *сейчас?*» – это безумное предположение заставило ее распахнуть глаза, которыми она встретила с подозрительным взглядом молодого человека.

– Мисс Донован, прошу, садитесь, – пожилой мужчина, Дьюк, продолжал настойчиво. – Вы пока что недостаточно уверенно стоите на ногах. Алек, нам нужно позвать миссис Дэнбери.

– А мне вот, например, кажется, что вам нужно позвать мистера Кимбла и узнать о личности этой девушки.

– Она больна, Алек. Это понятно.

Впервые в жизни Кендра чувствовала, что ее мозги отказываются работать. Она не могла объяснить то, что видела перед собой, и связать это с той реальностью, которая ей была знакома. Ее дыхание было неровным, и в тот момент, когда она взглянула на две большие китайские вазы, оно будто остановилось. Ваза была не одна, их было *две*...

– Это невозможно, – прошептала она, ее голос даже ей показался слабым и дрожащим. У нее возникло ощущение, будто она идет под водой, когда она двинулась в сторону вазы, которой здесь не должно было быть здесь. Кендра *знала*, что ваза же разбилась от пули киллера. Она это видела своими собственными, черт побери, глазами! И все равно ваза стояла перед ней, целая и невредимая.

Она потянулась к фарфору, желая – нет, умирая от желания – дотронуться до гладкой глазурированной поверхности, убедиться, что это был не какой-то странный плод ее воображения, но чья-то рука резко схватила ее за запястье, не дав ее пальцам коснуться вазы. В шоке от этого неожиданного жеста она резко подняла глаза и увидела мужчину, которого звали Алек. Она не слышала, как он подошел, но сейчас он стоял рядом с ней и держал своими пальцами ее запястье. Он держал ее не крепко, но так, чтобы она не могла легко высвободиться.

– Ваза, которую вы сейчас намеревались потрогать, очень дорогая и очень редкая, мисс Донован, – его низкий голос звучал как предупреждение. – Она принадлежала династии Мин, но, думаю, вы не знаете, о чем я. Как бы там ни было, я уверяю вас, его светлость, каким бы великодушным он ни был, отнесется с неодобрением к тому, что из-за чьей-то небрежности одна из его фамильных ценностей разобьется.

Какое-то время Кендра просто смотрела на него, не моргая, пытаясь привести в порядок путаницу в своей голове. «*Кто это не знает про династию Мин, тушица?*» – хотела она сказать, но не смогла артикулировать эту фразу, так как ее мысли двинулись в другом направлении. Кто-то заменил вазу так же, как и лампочки? Украл тело? Она ничего не понимала.

Это не было похоже на реальность. Это была иллюзия. Какой-то трюк.

Однако эти сильные и элегантные пальцы, держащие ее за запястье, *были* вполне себе реальными. Мужчина, которому принадлежали эти пальцы, *выглядел* реально.

Она пыталась бороться с волнами неведомого страха, которые угрожали утянуть ее куда-то вниз. Инстинктивно она попыталась высвободиться из мертвой хватки мужчины, но он только сжал свои пальцы сильнее. Вдруг в испуге и страхе она свирепо посмотрела на него и произнесла:

– Пусти, чертов ублюдок. Я не знаю, что за спектакль вы тут разыграли, но я все равно могу сломать тебе руку, если придется.

Он удивился, она увидела это в его зеленых глазах, и ослабил свою хватку, позволив ей вытащить руку. Прежде чем он успел ей ответить, сзади появился пожилой мужчина, взял ее под руку и аккуратно направил в сторону дивана.

– Вот, бедное дитя. Присядьте. Она вся трясется, Алек, – его тон звучал укоризненно.

– Я... я бы не разбила эту чертову вазу, – пробормотала Кендра, усевшись. Она осознала, что *правда* вся тряслась. И ей было холодно, очень холодно. Ее зубы чуть ли не стучали.

– Конечно же, нет.

– Боже мой, Дьюк, это же *Мин*. Ей больше двухсот лет! Никакое личико, даже самое миловидное, не стоит того, чтобы потерять такое сокровище. Она служанка и, я подозреваю, воровка.

– Алек!

– Личная горничная, – поправила его Кендра автоматически и сердито посмотрела на зеленоглазого мужчину. – Меня наняли как личную горничную.

– Какой леди?

– Что?

– Какой леди вы прислуживаете?

– Я... – Она нахмурилась. Это же была всего лишь роль, но ей называли какое-то имя. – Клэр... или Клара. – Боже, что за *бред!*

Он косо посмотрел на другого мужчину:

– Она даже не знает, кому прислуживает.

– А вы даже не знаете ничего про династию Мин, – парировала она и почувствовала, как жар ее ярости одолевает ледяной холод, распространившийся внутри ее. Было приятно. – Двести лет. Скорее около пятисот лет! Династия Мин существовала с 1368 по 1644 год. А эта ваза, по всей видимости, времен империи Цзяцзин... – Она замолкла, когда поняла, что оба мужчины смотрят на нее так, будто у нее выросла вторая голова. – О, боже, – пробормотала она. Ей нужно было срочно отсюда убираться.

– Кто вы? – выпалил молодой человек. – Вы не англичанка.

Было поздно притворяться Мари Буланже, поэтому она сказала:

– Я из Соединенных Штатов.

– Проклятая американка, – презрительно ответил он.

– О ради бога, Алек, война закончилась, – пожилой мужчина вздохнул. – Гентский договор подписан несколько месяцев назад.

Кендра на минуту зажмурилась:

– О боже, вы, ребята, играете свои роли слишком правдоподобно, вам не кажется? – От этой мысли она чуть ли не засмеялась. Единственное, что остановило ее, был холодный ужас, медленно пробирающийся по ее спине.

– Роли?

Пожилый мужчина казался на самом деле ошеломленным. Кендра сжала руки на коленях, пока суставы пальцев не стали мертвенно-белыми. Она набрала воздух в легкие и произнесла:

– Слушайте, я не знаю, что происходит, но всему есть предел. Мне нужно идти...

«Где этот чертов труп?» – подумала Кендра.

– Мне нужно идти.

– Вам нужно отдохнуть, мисс Донован. Алек, можешь, пожалуйста, позвать миссис Дэнбери?

– Дьюк, девчонка сказала, что хочет уйти...

– А я говорю, что она слишком слаба. – До этого момента Кендра готова была поклясться, что молодой человек был здесь главным. Но ледяная нотка в голосе пожилого мужчины заставила ее быстро пересмотреть свое первоначальное мнение. Она украдкой посмотрела на второго, который ответил ей хмурым взглядом. Но не опротестовал приказ своего друга и зашагал по направлению к двери. Он потянул веревку в стене, развернулся и мрачно взглянул на нее.

– Миссис Дэнбери о вас позаботится, моя милая.

Кендра перевела свой взгляд на мужчину по имени Дьюк:

– Это же шутка, да? Вы мне сейчас скажете, что это шутка?

В его голубых глазах проскользнуло неодобрение:

– Боюсь, я не вижу здесь шутки, мисс Донован.

Черт возьми, она знала, что он это скажет. Она вздрогнула, потому что подумала о невозможном, представила то, что невозможно было представить. Только когда ее пальцы почувствовали что-то гладкое, она поняла, что Дьюк совал ей в руку бокал. Он улыбнулся:

– Выглядите так, будто вам нужно тонизирующее средство.

– И, если у вас по-прежнему непереносимость к красному, пожалуйста, воздержитесь от того, чтобы снова вылить его на его светлость, – сказал сухо Алек. – Это будет пустая трата великолепного вина.

Кендра не обратила на него внимания, вместо этого посмотрев на пожилого джентльмена.

– Спасибо, – прошептала она и на этот раз поднесла бокал к своим губам и выпила. Если вино было отравлено... что ж, такая смерть была даже предпочтительной при сложившейся ситуации. По крайней мере, она была бы понятной.

Вино мягко обожгло ее горло. На вкус вполне себе *реальное*, это все, что пришло ей в голову, когда она сделала глоток и попыталась не смотреть на свечи, которых здесь не должно быть, на камин, в котором должна быть воронка от пули, вазу, от которой должны остаться лишь осколки.

– Что вы делали в проходе, мисс Донован? – внезапно спросил Алек. Он подошел к графину и налил себе второй бокал. – Если вы, как утверждаете, горничная, прошу вас объяснить, что вы делали *там*?

– Я... – Что сказать? Ее желудок принялся бурлить, она сразу же пожалела, что выпила вино. Не потому что оно было отравлено, а потому что она могла опозориться, если ее вдруг вырвет.

Дурацкая ситуация. Она не понимала ничего. Что происходило? Какая-то интеллектуальная игра? Иллюзия? *Галлюцинация*? От последней мысли у нее все внутри похолодело от страха.

Она взглянула на пожилого мужчину, но любая надежда на то, что он спасет ее от допроса своего друга, исчезла, как только она увидела заинтересованный огонек в его серо-голубых глазах. Что она могла сказать ему? Ничего, что звучало бы правдоподобно. На самом деле чем меньше она скажет, тем лучше. По крайней мере, пока она не поймет, что здесь, черт возьми, происходило.

– Я... потерялась.

Алек иронически хмыкнул, не пытаясь скрыть свое недоверие. Глаза Дьюка приняли жесткое выражение, хоть и всего на долю секунды. Он тоже не верил. Ей не в чем было его винить.

– *Как* вы попали в этот проход? – выпалил Алек.

Кендра посмотрела на гобелен, который был отодвинут после ее удивительного появления из прохода. Дверь была закрыта, ее существование было неочевидно для неподготовленного глаза. Она не могла «случайно» попасть в этот проход. Она понимала это, и они тоже.

Она покачала головой и сказала:

– Я не помню.

Если бы можно было убивать взглядом, подумала она, когда встретилась глазами с Алем, все, что осталось бы от нее сейчас, была бы горстка пыли в уродливых полуботинках. Ее нервы натянулись струной. Она правда не была готова к вербальной схватке, пока у нее не появилось возможности все обдумать. Ее наполнило чувство облегчения, когда кто-то постучал в дверь, а спустя несколько секунд в комнату осторожно вошла худая женщина в черном платье и белом хлопковом чепце.

Она сделала грациозный книксен и сказала:

– Ваша светлость. Лорд. – Затем она взглянула на Кендру, будто только что ее заметила. Она продолжила, обращаясь к мужчинам: – Чем могу быть вам полезна?

Несмотря на старомодное платье и чепец, она напомнила Кендре преподавательницу колледжа, которая у нее когда-то была, – холодную, спокойную и прежде всего компетентную женщину.

– Миссис Дэнбери, мисс Донован, похоже, *потерялась* в проходе, – прокомментировал Алек с нотой пренебрежения, которую без труда можно было услышать в его голосе.

– Да? – Миссис Дэнбери повернулась к Кендре и принялась изучать ее ледяными серыми глазами.

– Она заявила, что ее наняли в качестве личной горничной.

Миссис Дэнбери открыла рот, но, прежде чем она успела выступить с опровержением, пожилой мужчина мягко произнес:

– Я уверен, миссис Дэнбери знает об этом, Алек. Хоть с праздником Кейро и произошло недоразумение, я абсолютно уверен в том, что у миссис Дэнбери и мистера Хардинга все под контролем в отношении персонала.

После этой фразы миссис Дэнбери могла лишь кивнуть в знак согласия и произнести:

– Спасибо, ваша светлость.

– Мисс Донован нездоровится, – продолжил он. – А так как уже вечер и все леди удалились отдыхать, услуги мисс Донован больше не требуются. Может, вы можете отвести ее в ее комнату?

– Конечно, ваша светлость, – юбки женщины еле слышно зашуршали, когда она двинулась к двери. Она бросила взгляд на Кендру: – Мисс Донован?

Кендра медлила. Она знала, что от нее ожидалось, знала, что ее попросили – нет, приказали – пойти с миссис Дэнбери. У нее внутри все ходило ходуном, когда она думала над своими вариантами. У нее их не было. Не было выбора, нужно было уходить.

– Желаю вам хорошего вечера, мисс Донован. – Огонек в голубых глазах пожилого мужчины было невозможно никак трактовать.

– Доброго вечера, Дьюк, – смогла она наконец произнести и вышла из комнаты, так что не могла увидеть выражения лиц мужчин, которые из удивленных превратились в негодующие. Когда она прошла в коридор, почувствовала лишь тоскливое принятие, увидев свечи и там.

– Мисс Донован, больше никогда не называйте его светлость Дьюком¹⁵, – сказала миссис Дэнбери, как только их уже не могли услышать из кабинета. – Он для вас ваша светлость, герцог Эддриджский или сэр. И делайте книксен, когда выходите из комнаты своих господ. Вам понятно?

Господ? Кендра сглотнула, но кивнула в знак согласия. Она не обратила внимания на взгляд, полный подозрения, который миссис Дэнбери бросила в ее сторону. Ей нужно было держать язык за зубами. Дьюк, то есть *герцог*, дал ей отсрочку. Никто не выбросит ее сейчас. По крайней мере пока что.

У нее еще было время, чтобы разобраться в этой дикой ситуации.

Время...

Кендру передернуло. Это было тем самым вопросом, который она специально не задавала в ходе всего этого странного эпизода: время. День, месяц, *год*. Потому что она боялась ответа.

* * *

– А у нее есть какие-то знания, – прокомментировал Алек, сев в кресло и отхлебнув вина с хмурым выражением лица.

Альберт Руферфорд, седьмой герцог Эддриджский и дядя Алека, поднял глиняную трубку, которую он начал наполнять табаком перед тем, как девушка принялась биться в скрытую дверь. С задумчивым выражением он зажег фитиль от огня и поднес его к углублению в трубке. Он пустил клуб дыма и поднял глаза на картину над камином, где была изображена женщина с ребенком.

¹⁵ «Дьюк» (duke) по-английски одновременно и мужское имя, и титул герцога, отсюда возникает путаница. Кендра вначале считает это именем (*прим. пер.*).

Прошло двадцать лет, но скорбь никуда не уходила. Иногда она была такой же острой и свежей, как в день, когда впервые возникла. Иногда, как сейчас, это была боль уставшего человека, не пронзительная, а притупившаяся и превратившаяся в ностальгическую тоску.

Алек проследил взгляд своего дяди до портрета его давно умерших жены и ребенка. У Арабеллы была запоминающаяся внешность и в жизни, и на картине. Хоть ему и было всего около двенадцати лет, когда она умерла, Алек помнил ее красоту, черные волосы и карие глаза, ее общительность и теплоту.

Каждый раз, когда он бывал у дяди и тети, их отношения всегда казались ему идиллическими. Но это могло быть и из-за того, что его собственная жизнь была от идиллии далека. Он предпочитал не думать о себе, поэтому перевел взгляд на изображение ребенка: милая малышка, которая была так похожа на свою мать цветом волос и оттенком кожи; и если художник достоверно ее нарисовал, должна была однажды превзойти ее красотой.

Ей было всего пять, когда заказали картину. Она умерла меньше чем через год, ее тело было унесено морем в том же кораблекрушении, после которого изуродованный труп ее матери прибило волной к берегу.

Он взглянул на герцога, заметил, что он тоже смотрит на ребенка, внезапно что-то внутри его сжалось, и он произнес:

– Она не Шарлотта, сэр.

– Ей было бы сейчас примерно столько же, как и мисс Донован. И у них похожий цвет волос.

– Шарлотта умерла, – Алек сказал это более резко, чем хотел. – Она умерла двадцать лет назад.

Голубые глаза сразу потускнели, в них явно читалась грусть.

– Смею напомнить тебе, что ее тело так и не было найдено... – он поднял руку, когда Алек открыл рот, чтобы поспорить. – Я не дурак, Алек. Я знаю, что мисс Донован – не моя Шарлотта, но она интересует меня все равно.

Губы Алека сжались:

– Она лгунья и, скорее всего, воровка.

Элдридж нахмурился. На лице женщины он рассмотрел целый букет эмоций. Недоверие, ярость, страх. Но там было еще что-то, что ему запомнилось. Этот потерянный взгляд ее больших темных глаз затронул что-то в глубине души.

– Она лгала, да. Но я не думаю, что она лгунья или воровка, – ответил он медленно и посмотрел на вазу. – И она была права, знаешь ли. Эта самая ваза была произведена в эпоху Цзяцзин.

– Я не говорю, что она глупая, пусть ее математические способности и оставляют желать лучшего, – мрачно возразил Алек.

– Хм.

– Вам нужно было ее отпустить. Она хотела уйти.

– Нет. – Он вспомнил вспышку беспомощного ужаса, которую заметил в ее глазах, прежде чем она успела взять себя в руки. – Она не хотела уходить, Алек. Ей некуда идти.

Алек вздохнул и поставил свой пустой бокал. Он поднялся на ноги. Его дядя принял решение, ничего не поделав.

– Понятно. Ну, что ж, уже поздно, мне пора спать.

Это заявление заставило герцога Элдриджского вернуться в настоящее.

– Неужели ты собираешься спать, Алек? – спросил он с веселым лукавством. – Я слышал разговоры про тебя и милую леди Довер.

У них с прекрасной вдовой было чем заняться, кроме разговоров, подумал Алек, но удержался от улыбки и сказал:

– Джентльмен никогда не болтает. – Он задержался у двери, наблюдая за своим дядей. Его лицо приняло серьезное выражение: – Один совет, герцог, если мисс Донован останется тут, я бы посоветовал попросить миссис Дэнбери пересчитать серебро.

* * *

Чувство нереальности происходящего усугублялось, пока Кендра следовала за миссис Дэнбери по коридору и поднималась на два пролета по лестнице для прислуги. Свет от единственной лампы, освещавшей их путь, превращал стены в комнату ужасов с кривляющимися тенями. Кендра пыталась понять, что из всего этого – настоящее. Она напрягла спину, пытаясь бороться с приступом паники, который угрожал поглотить ее полностью. Что бы ни происходило, был ли это психоз или что-то паранормальное, паника тут не помогла бы.

Миссис Дэнбери остановилась у деревянной двери.

– Я поговорю с вами завтра, мисс Донован, – ее тон был холодным и подозрительным. – Сегодня вы можете разделить спальню с Роуз. – Затем она кратко постучала в дверь и открыла ее.

Свет от единственной лампы пролился за пределы дверного проема и осветил крошечную комнату, спрятанную прямо под крышей. У одной стены стоял большой дубовый шкаф, а напротив него две узкие односпальные кровати, разделенные ночной тумбочкой. Одна из кроватей была занята. Кендра увидела, как покрывало задвигалось, из-под него показалась бледная рука, а потом два больших карих глаза под оборками белого ночного чепца посмотрели, жмурясь, в направлении входа в комнату.

– Кто здесь?

– Это я, миссис Дэнбери.

– Миссис Дэнбери? – Девушка зевнула. – Мадам, сколько времени? Что случилось?

– Ничего не случилось, Роуз. Извини, что мы тебя побеспокоили, но мисс Донован нужно где-то спать. Спокойной ночи. – Она удалилась и унесла с собой лампу.

Кендра принялась моргать, пытаясь привыкнуть к темноте. Лунный свет проникал сквозь крошечное окошко на дальней стене. Стали слышны поспешные движения на кровати, затем звуки ударов стали о кремьень, за которым последовали вспышки. Большая свечка на ночной тумбочке отбросила маленький кружок света.

Девушка посмотрела на нее.

– Вы кто? – напрямик спросила она.

– Кендра Донован. – Из-за того что она опять почувствовала приступ тошноты, она резко села на свободную кровать.

– Что с вашими волосами? Вы что, болели?

– Можно и так сказать.

Они разглядывали друг друга в тусклом свете. Девушке было не больше пятнадцати или шестнадцати, решила Кендра. Она была симпатичная. Большие, как у Бемби, глаза светились любопытством на круглом лице, обрамленном старомодным ночным чепцом и падающими в беспорядке темными локонами.

– Вас пригласили для приема?

– Я... да. Меня наняли личной горничной. – Кендра снова почувствовала, как паника щекочет заднюю стенку ее горла, пытаясь овладеть ею полностью. Она бы сказала, что это невозможно, что она не может сидеть тут сейчас на этом твердом маленьком матрасе при свете свечи, разговаривая с девушкой, сошедшей со страниц учебника по истории. Но ей очень тяжело давалось отрицание всех этих картин, запахов и чувств.

И это повергало ее в еще больший ужас.

– О, – сказала девушка под впечатлением. – Моя сестра продвинулась и стала личной горничной в Лондоне. Она сначала была посудомойкой в замке. Моя мама говорит, что мне нужно только начать работать. Я люблю трудиться. В прошлом году миссис Дэнбери повысила меня до помощницы кухарки, когда Эмма стала служанкой, а Дженни уехала в Бат. – Она вдруг остановилась и залилась краской от смущения. – Только посмотрите, как я разболталась. Вы, должно быть, устали, вы же болели и все такое. – Она нахмурилась, оглянувшись. – У вас есть сумка, мисс Донован?

– Кендра. Пожалуйста, называй меня Кендра, – сказала она, не задумываясь, и посмотрела вокруг, как будто бы ее сумка вдруг могла как по волшебству появиться здесь. Она вспомнила, что оставила ее на полу в кабинете перед своим бегством через скрытую дверь. Конечно же, сумка, как и тело сэра Джереми, исчезла. – Боюсь, нет. Я ее потеряла.

– Ну, ничего страшного. Миссис Дэнбери снабдит вас всем необходимым. Я Роуз. Вам помочь раздеться?

– Что? Ой. Спасибо, – Кендра встала и повернулась спиной к Роуз примерно так же, как недавно к Сэлли. Это воспоминание заставило ее снова содрогнуться.

– Вот теперь залезайте под одеяло. Вы вся холодная!

Кендра села, нагнувшись, чтобы ослабить шнуровку своих полуботинок. Роуз присела перед ней, помогла их снять, и отставила в сторону.

– Вы откуда? Говорите не как англичанка.

– Я из Соединенных Штатов.

– О-о-о, Америка. Я так много слышала о ней, – сказала она, залезая в кровать. – Мой папа говорит, что колонисты – шайка варваров. Только не принимайте на свой счет.

– Я и хуже прозвища слышала, – Кендра встала и разделась до рубашки. К тому моменту, как она залезла под простыни и натянула на себя тонкое покрывало, она дрожала от холода больше, чем от шока или страха. В комнате, как ей быстро стало ясно, было как в холодильнике.

Роуз улыбнулась ей, прежде чем наклониться и задуть жалкое пламя свечи:

– Спокойной ночи, мисс.

Какое-то время Кендра молчала, уставившись на кривую тень от потолка. Она слышала, как девушка пытается устроиться поудобнее в своей кровати, слышала ее легкое дыхание. Не считая этих звуков, тишина казалась абсолютной.

– Роуз? – прошептала она.

– Да?

– Какой... какой сейчас год?

Кендра не видела лица Роуз, но почувствовала по ее внезапному молчанию, что она шокировала девушку. Она не могла ее ни в чем винить. Если бы кто-то задал ей тот же вопрос, она бы подумала, что этот человек свихнулся.

– В смысле, какое число? – спросила девушка осторожно.

– Нет... – Ее горло сжалось от дурного предчувствия, но она все же смогла произнести то, что должна была. – Я имею в виду, какой сейчас год? Я же болела, помнишь? – добавила она неубедительно.

– А, ну да. – Но все же Роуз медлила с ответом, будто пытаясь понять, какая болезнь могла бы стереть память человека до такой степени. – Сейчас 1815-й, – ответила наконец она, ее голос звучал мягко и обеспокоенно в темноте. – Теперь вы вспомнили?

– Да... – соврала она, закрывая глаза на правду, которую она отказывалась принимать.

– Спи спокойно, мисс.

Кендра ничего не ответила. Она сомневалась, что вообще сможет заснуть. Но усталость вскоре пересилила и одолела ее. Во сне ей виделись сумасшествие и убийство.

8

Кендра проснулась от шороха одежды, топота ног и чых-то торопливых движений. На какой-то момент она подумала, что снова лежит в больнице и это опять бесконечные медсестры, приносящие все новые лекарства.

– Энни? – пробормотала она, перевернувшись и открыв глаза навстречу сероватому утреннему свету.

– Нет. Меня зовут Роуз. Помните?

– Боже мой. Ты не плод моей фантазии?

– Не упоминайте имя бога всуе, – чинно поправила ее Роуз. Однако, когда Кендра посмотрела на нее, та смягчилась и улыбнулась. – Вы бы поспешили, мисс. Миссис Дэнбери с вами побеседует, прежде чем вы отправитесь к леди.

– *Моей леди?* Который час? – Кендра с усилием села на кровати, осторожно посматривая на Роуз, которая уже была одета в хлопковое голубое платье в цветочек, не застегнутое на спине. Она подошла к старомодному умывальнику, который Кендра не заметила вчера вечером: он помещался между шкафом и стеной. Девушка быстрыми движениями налила воду из кувшина в раковину. В поворотном зеркале ее глаза пристально посмотрели на Кендру.

– Полседьмого, – ответила она, обдавая лицо водой. – Прислуга обычно завтракает в полдевятого, но миссис Дэнбери изменила наше расписание из-за праздника. – Схватив полотенце, висевшее на умывальнике, Роуз вытерла лицо. Она почистила зубы, используя что-то, что выглядело как примитивная щетка, которую она мочила и погружала в банку с белым порошком. Затем вытащила и раскрыла небольшую ширму. Кендре показалось это странным, пока она не увидела, что Роуз потянулась за ночным горшком, стоявшим под раковиной.

Кендра отвернулась, чтобы предоставить девушке хоть какую-то иллюзию личного пространства, и попыталась не обращать внимания на звонкий звук от мочеиспускания. Ее передернуло, когда она поняла, что ей тоже придется воспользоваться ночным горшком.

Ночной горшок, мать твою!

– Если застегнете мне платье, я тоже вас застегну, – предложила Роуз, появившись из-за ширмы и причесывая свои спутавшиеся темные каштановые волосы. С проворностью, пришедшей с опытом, она скрутила копну волос в аккуратный пучок и начала втыкать в него угрожающе длинные шпильки.

Свесив ноги с маленькой кровати, Кендра встала и задрожала одновременно от прохладного утреннего воздуха и от того, что ее галлюцинации продолжались.

– О, что с вами приключилось, мисс?

Кендра оглянулась и увидела, что Роуз уставилась на ее шрамы. Она пожала плечами и сказала:

– Можно сказать, это напоминание.

– Напоминание о чем?

– Быть осторожнее.

Она нырнула за ширму и неуклюже воспользовалась ночным горшком. За неимением другой одежды, она надела на себя вчерашнюю, послушно повернувшись к Роуз, чтобы та застегнула ей пуговицы.

– Может, у меня опухоль мозга, – пробормотала она, уставившись на стену.

– Чего?

Она вздохнула:

– Ничего. Пустая болтовня. Пытаюсь справиться с истерикой.

– Лучше не надо. Болтать, в смысле. Я знаю, вы из Америки, но... лучше не стоит.

– Ты, возможно, права. Они запрут меня в психбольнице, если я еще не там. Повернись. – Пока она продевала пуговицы в отверстия на платье Роуз, ей казалось, что они похожи на гладкие камешки. Вдохнув снова, она села, чтобы зашнуровать свои полуботинки. – Ты милая девушка, Роуз, пусть даже и плод моего воображения.

Роуз неуверенно улыбнулась.

– Спасибо. И, хм, может... – она не решалась произнести.

Кендра подняла бровь:

– Ну, валяй.

Девушка выглядела озадаченно, она огляделась по сторонам:

– Что валять?

– Ой, боже, извини, я хотела сказать, продолжай. Вижу, ты хочешь что-то сказать.

– А, ну да, может, вам лучше не спрашивать людей, какой сейчас год, вот что я подумала.

– Резонно. Спасибо.

На этот раз в улыбке горничной промелькнуло облегчение:

– Знаю, вы болели, но, если вы будете говорить такие вещи, люди подумают, что вы немного не в себе.

Кендра воздержалась от того, чтобы признать, что она действительно была немного не в себе, вместо этого она просто кивнула, подняла брошенную щетку для волос и повернулась к окну. Оно было маленьким и не совсем чистым, но за ним открывался захватывающий дух английский пейзаж, спокойно расстилающийся вдаль, расчерченный изгородями и усеянный густыми рошицами. Туман от раннего утра висел на уровне земли, странно завораживая. При нормальных обстоятельствах она бы залюбовалась этим видом.

Но обстоятельства не были нормальными.

Причесав волосы, она повернулась к раковине и принялась использовать ту воду, что уже была там. Она оказалась ледяной. Разве галлюцинации бывают *настолько* реальными? Кендра уставилась на свое отражение в изъеденном коррозией зеркале. Ее лицо было бледнее обычного, из-за чего глаза под прямой челкой казались еще темнее. Ей не нравился вид хрупкой женщины, которая смотрела на нее, та паника, смешанная со страхом, которая мерцала в ее взгляде. «*Не показывай свою слабость*».

Позади нее Роуз поспешно двигалась по комнате, заправляя кровати.

– Вы приехали с кем-то из леди или это миссис Дэнбери наняла вас для праздника?

– Дьюк... то есть герцог Элдриджский, захотел, чтобы я осталась, – сказала Кендра осторожно. Так как с ее волосами трудно было что-то придумать, кроме как просто оставить их распущенными и свисающими до подбородка, она положила на место щетку и взяла в руки банку с белым порошком. Чихнув, она поняла, что это поваренная сода. Она намочила палец, опустила его в белый порошок и затем принялась тереть им зубы.

– Его светлость сам вас нанял?

По ошеломленному выражению лица девушки Кендра догадалась, что это не было обычным делом. Роуз тем не менее быстро оправилась от удивления, пожала плечами и надела свой тяжелый фартук, завязав его на спине:

– А, ну да. Герцог любит всякие диковинки. Ой, – воскликнула она, увидев, что Кендра направляется к двери, – я не хотела вас обидеть, мисс.

Разве галлюцинация может обидеть?

– Прямо сейчас, Роуз, быть названной диковинкой, – она старалась говорить откровенно, – это не то, что может меня расстроить.

* * *

Человеческий разум может выдержать практически любой стресс. Вот почему мужчины, женщины и дети по прошествии некоторого времени возвращаются к своему обычному распорядку даже в зонах военных конфликтов и ходят по магазинам, пока вокруг падают бомбы. Поэтому Кендру не очень удивило, когда ужас и отрицание начали исчезать и превращаться в некое сюрреалистическое любопытство, пока она следовала за своей новой подругой вниз по лестнице в зал для прислуги. Но она все же была благодарна, что Роуз не заставляла ее отвечать на свои восторженные замечания по поводу предстоящей вечеринки. Кендра не трудилась над тем, чтобы следовать нити этого разговора, но время от времени все же издавала неопределенные звуки, чтобы девушка этого не замечала. Лучше уж пусть Роуз говорит, решила она, чем задает вопросы. Кроме того, этот монолог дал возможность Кендре сконцентрироваться на текущей проблеме, которая, как она понимала, имела три возможные причины: кто-то извращенно разыгрывал ее, у нее острое психическое расстройство или же ее действительно выбросило в другое время или в другое измерение, что-то в духе теории струн.

Первый вариант она практически безоговорочно отменяла. Она не только не могла понять *кто* – ЦРУ, МИ5, КГБ, – но и *зачем* мог бы это сделать. Зачем кто-то стал бы так заморачиваться? Зачем, черт возьми, кому-то это? Масштаб сговора и точность деталей делали эту идею слишком абсурдной.

Второй вариант, что-то вроде психоза, пугал. Миссия, которую она выполняла, – осуществить правосудие над сэром Джереми – была, конечно же, эмоционально тяжелой и во многом противоречила ее собственному моральному кодексу. Может, ее разум просто схлопнулся в ответ? Может, сейчас она сидит в какой-то психиатрической палате, ее тело сковано смиренной рубашкой, а ее разум в это время воображает себе вот эту альтернативную реальность?

Она действительно рассматривала эту ужасную возможность, но все внутри ее протестовало. Если у нее было психическое расстройство, мог ли ее мозг генерировать те малейшие детали, которые она видела сейчас? Молодых горничных, усердно подметающих ковры – щетками, ради всего святого, – и доводящих до блеска тяжелую мебель в коридорах. Или лакеев в вышитых темно-синих формах и в белых напудренных париках, которые вносили дрова для растопки камина. Она могла бы допустить, что эти галлюцинации возникли из-за костюмной вечеринки, посвященной этому историческому периоду, но могло ли ее воображение воссоздать эти картины, звуки, *запахи* – лимона,пряного масла и пчелиного воска, – которые она сейчас ощущала?

– Кто такая твини?¹⁶ – спросила она вдруг, оборвав Роуз на половине фразы.

– Что?

– Кто такая твини?

– О. Я говорила вам, я твини.

– В смысле, в чем состоят твои *обязанности*? У нас, хм, нет такой должности в Америке. Роуз, казалось, не могла понять, как такое возможно:

– Это что-то среднее между кухаркой и горничной. Я помогаю повару, кухаркам и горничным наверху. Как же ваши большие хозяйства обходятся без твини?

– Без понятия.

Кендра вспомнила, что вчера была очередь для твини, но тогда она не знала, что это такое. Мог ли ее мозг сгенерировать информацию, которая в нем не содержалась? Если предположить, что эта информация правдива и она не просто придумывала ее одновременно с этой

¹⁶ Служанка, помогавшая кухарке или горничной в Англии.

девушкой? Если она будет рассуждать в этом ключе дальше, она просто сойдет с ума – если еще не сошла.

Она почувствовала, как напряглась ее грудная клетка, как истерика начала стремительно подкатывать к области между ребрами. Ей с трудом удалось не скатиться в состояние самой настоящей панической атаки и сконцентрироваться на своем дыхании. Вдох-выдох. *«Спокойствие. Ты не сумасшедшая. Должно быть какое-то логическое объяснение»*.

Она сосредоточила взгляд на том, что ее окружало. Они вошли в крыло прислуги, где она уже была вчера. Как и кабинет вчера вечером, эта область была одновременно и чем-то похожа, и отличалась от того, что она видела ранее. Те же стены, тот же пол с каменными плитами, то же возбужденное движение людей, снующих туда-сюда. Но убранство и мебель здесь поменялись. Лица поменялись.

Она резко остановилась на пороге комнаты, которая вчера была переоборудована во временную раздевалку для девушек. Сегодня тут были шкафы и полки, заваленные, по-видимому, выглаженным постельным бельем, был длинный стол и пара странно выглядящих предметов.

– Что это за комната?

Роуз обернулась в ее сторону и нахмурилась:

– Это бельевая. У вас в Америке что, этого тоже нет?

– Не там, откуда я родом, – ответа Кендра откровенно.

Спустя пару минут они прошли в комнату, которая вчера была основным местом скопления сотрудников «Старк Продакшнз». Сегодня она представляла собой то, чем когда-то и была, – столовую. В огромном камине по-прежнему не было огня. Громадный стол был покрыт белоснежной скатертью, которая наверняка еще пару минут назад лежала в бельевой. Две горничные, одетые так же, как и Роуз, накрывали на стол.

– А я слышала, что она такая наглая, что назвала его светлость Дьюком, – говорила при этом одна из них.

– Да ты что! – вторая девушка с явным удовольствием изображала ужас.

– Правда! И у нее волосы короткие, как у мальчишки, – она резко остановилась, когда заметила Кендру и Роуз в дверях. Огненный румянец вспыхнул на ее щеках. – Ой, я вас не увидела, Роуз. – Она встретилась глазами с Кендрой и затем виновато отвела свой взгляд.

– Доброе утро, Тэсс, Милдред, – поприветствовала их как ни в чем не бывало Роуз. – Это Кендра Донован. Она горничная, ее наняли для праздника.

– Миссис Дэнбери ищет ее.

– Спасибо, Тэсс. – Роуз бросила на Кендру виноватый взгляд, когда они покинули зал. – Не обращайтесь на них внимания. Тэсс – ужасная сплетница.

Кендра подозревала, что не только Тэсс распространяла о ней сплетни, но промолчала, пока они шли по залу к небольшому лестничному пролету. Спустившись, Роуз остановилась и постучала в первую дверь справа, и бодрый голос миссис Дэнбери пригласил их внутрь.

Кендра снова вспомнила своего бывшего преподавателя в колледже. Одета приблизительно так же, как и накануне – в белый чепец и черное платье, – миссис Дэнбери сидела за большим дубовым столом. Его поверхность блестела, и все на нем было разложено в таком порядке, что это говорило о его хозяине больше, чем что бы то ни было другое в этом маленьком опрятном кабинете. Она стояли, ожидая, пока она, не обращая на них внимания, окунала перьевую ручку в подставку с чернилами и царапала что-то на плотном листе бумаги. Тишина наполняла комнату, ее прерывал только звук царапания пера о пергаментную бумагу и медленный мерный стук маятника часов в углу.

Кендра осознала, что задержала дыхание. Миссис Дэнбери наконец отложила ручку на деревянную подставку. Но все еще не смотрела на них. Вместо этого она взяла маленькую стеклянную пробирку, перевернула ее и немного припорошила пергамент песком, а затем сдула песчинки с листка.

Закончив этот ритуал, она протянула бумагу Роуз:

– Пожалуйста, передай это месье Антону, Роуз. У нас изменения в меню на ужин.

Роуз побледнела:

– Ой, ему это вряд ли понравится, мадам.

– Да, не понравится, – признала миссис Дэнбери. – Шеф – темпераментный и сложный человек. Что вполне ожидаемо от француза, Роуз. Однако леди Этвуд лично внесла эти изменения. Месье Антону остается только смириться с пожеланиями графини, пусть они и идут вразрез с его собственными желаниями.

Роуз это объяснение не особенно взбодрило, но теперь она выглядела смирившейся.

– Хорошо, мадам, – проговорила она.

Миссис Дэнбери кивнула:

– Спасибо, Роуз. Ты можешь идти, закрой за собой дверь.

Роуз обменялась быстрым взглядом с Кендрой перед тем, как сделать книксен и удалиться с документом в руках из комнаты. Миссис Дэнбери подождала, пока дверь закроется, а затем подняла свой холодный оценивающий взгляд серых глаз на Кендру.

– Что ж, мисс Донован... вы определенно поставили меня в неудобное положение. Его светлость считает, что вы находитесь в замке Элдридж на правах личной горничной. Конечно, у нас сейчас проживают несколько горничных, но большинство из них прибыли со своими леди. А вы прибыли с леди, мисс Донован?

Несмотря на то что ее сердце начало бешено стучать, Кендра смотрела женщине в глаза, и ей удалось достаточно спокойно произнести:

– Нет... мадам.

– Я могу списать ваше присутствие здесь на то, что вас наняли для временной помощи, – продолжила она. – Как вам, должно быть, известно, несколько горничных были наняты для того, чтобы помогать гостям, которые не смогли привезти свою прислугу. Однако, так как это я нанимала временную прислугу, у меня это вызывает недоумение, мисс Донован. Я вас не знаю. Я вас не нанимала. Если вы не прибыли с одной из леди и я вас не нанимала в качестве горничной, то как вы оказались в замке Элдридж? Это за пределами моего понимания.

– Это вы верно сказали.

– Прошу прощения?

– У меня нет для вас ответа, миссис Дэнбери.

– В самом деле. – Губы домоправительницы сжались. – И все же у вас был какой-то ответ для его светлости вчера вечером. Вы утверждали, что вас наняли личной горничной.

– Меня *действительно* наняли горничной.

Выражение серых глаз миссис Дэнбери стало еще более ледяным.

– Это невозможно, мисс Донован. Как я уже заявила, мистер Кимбл поручил мне нанять временную прислугу женского пола. А я не нанимала американок. Я не нанимала *вас*.

– Меня нанимала другая женщина.

– Больше ни у какой другой женщины нет на это права! Как ее имя, этой женщины, что нанимала вас?

Кендра вспомнила женщину из «Старк Продакшнз» и ответила:

– Миссис Питерс.

– В замке Элдридж нет *никакой* миссис Питерс.

Почему это ее не удивляло? Так как она не могла предоставить никакого другого объяснения – как объяснить необъяснимое? – Кендра замолчала, уставившись на домоправительницу.

Миссис Дэнбери изучала молодую женщину, которая так бесцеремонно смотрела на нее. Если бы дело было за ней, она бы прогнала это наглое создание и не написала бы ей рекомен-

дацию. Но сегодня утром мистер Кимбл постучался к ней и передал личный приказ герцога о том, чтобы Кендра Донован оставалась в замке. Это было унижительно, просто унижительно.

– Мисс Донован, я вам не верю. Более того, я не доверяю вам. – Заметив песчинки, разбросанные на столе, она смела их руками и прибрала другие письменные принадлежности. – Но я все-таки временно оставлю вас. Так уж получилось, что у нас сейчас остановились две леди, которым может понадобиться ваша помощь. Мисс Джорджина Нокс и мисс Сара Родон. Вы сейчас пойдете завтракать, а потом приступите к исполнению своих обязанностей.

Чувство облегчения развязало узел страха у нее в груди. Что бы ни произошло, Кендра знала, что ей нельзя покидать замок. Это была исходная точка.

– Спасибо, миссис Дэнбери.

Глаза домоправительницы сузились.

– Я буду за вами приглядывать, мисс Донован, – предупредила она. – А пока что на этом все.

После того как ее отпустили, Кендра двинулась в сторону зала. Там она остановилась и прижала руку к животу. Ее эмоциональное состояние постоянно колебалось от отрицания до самого настоящего страха. Она выпрямилась, когда услышала, что кто-то приближается: молоденькая служанка, не старше девяти лет, несла какое-то ведро. Проходя мимо, маленькая девочка взглянула на нее с любопытством.

Собравшись, Кендра добралась до кухни. Комната была намного больше, чем столовая, в ней были высокие потолки и окна, впускавшие потоки дневного света. Светильник с незажженными свечами висел на цепях толщиной с человеческое запястье в центре потолка. Под окнами на длинных полках мерцала глазурь горшков и мягкий блеск кухонной утвари.

Это напомнило Кендре кухню отеля, пусть и помещенную, как решила Кендра, в начало девятнадцатого века: по меньшей мере дюжина помощников трудилась на нескольких рабочих местах. Два камина были зажжены, пламя подогревало потемневшее дно бронзовых котелков, висящих внутри. Невероятных размеров черная чугунная плита занимала приличную часть другой стены. На металлической решетке над плитой болтались медные горшки, большие и маленькие, и самые разные кухонные принадлежности. Маленький темноволосый человек, на котором была шапка шефа, размещивал что-то в двух больших горшках одновременно, сердито бормоча французские слова. По тем отрывкам, которые доносились до нее, Кендра убедилась в том, что изменения в меню, как и предсказывала Роуз, ему пришлись не по душе.

Кендра заметила Роуз за одним из столов, она чистила яблоки, удаляя сердцевину, и нарезала их. Двинувшись к ней, она почувствовала запах жарящегося мяса, приправленного острыми специями. Потом она уловила еще один аромат – выпекавшегося дрожжевого хлеба. Кендра вдруг поняла, что проголодалась. Можно ли испытывать чувство *голода* во время галлюцинаций?

Фруктовый нож, который Роуз держала в руке, сверкал, пока она нарезала яблоки и клала дольки в миску. Каждый последний кусочек она клала в рот, что заставило женщину, которая замешивала рядом с ней бесформенную массу теста размером примерно со сдутый баскетбольный мяч, хмыкнуть.

– Дрянная девчонка: подворовывая вот так, ты съела уже, считай, два яблочных пирога, – сделала ей замечание женщина, грозя пальцем, испачканным в муке.

Роуз хихикнула, по всей видимости равнодушная к этой придирке. Заметив Кендру, она улыбнулась.

– Мисс, сюда! Кухарка, это мисс Донован. Она сейчас живет со мной в комнате. Она личная горничная.

– А, ты одна из тех временных служанок, которых наняли для праздника леди Этвуд?

Кендра дала бы этой женщине примерно столько же лет, сколько и миссис Дэнбери, но, к счастью, она, казалось, не разделяла общий настрой домоправительницы. Она была невысо-

кого роста, ее полное тело целиком скрывало бледно-голубое платье с белым фартуком. Ее лицо было круглым и приятным, бледные пряди светло-коричневых волос выбивались из-под шапочки. Темно-голубые глаза присматривались к Кендре, но без враждебности.

– Да. Пожалуйста, называйте меня Кендра.

Губы женщины сложились в улыбке, она продолжила месить тесто:

– Меня зовут миссис Эжер, но все называют меня Кухарка. За кем ты будешь приглядывать?

– М-м-м... Джорджина Нокс и Сара Родон. – Кендра подумала, можно ли ей попросить кофе. Лучше достаточно крепкого, чтобы проснуться от этого кошмара.

– Тогда ты быстрее завтракай, – сказала Кухарка. – Леди скоро захотят шоколад и чай, я так думаю.

– Ой. Хорошо.

Роуз проследила за ее взглядом и покачала головой:

– Не здесь, мисс. Вы будете завтракать в столовой для прислуги наверху.

– А ты? – спросила Кендра.

Одна из девушек, стоящих рядом, захихикала:

– О да, мисс Роуз. Вам принести ваш чай?

– Там столовая для *старших* слуг. А я твини.

Это такой протокол, осознала Кендра. Она понимала важность протокола, процедур и других иерархических практик. Черт, она же была агентом ФБР. Ты не попадешь в ФБР, если не понимаешь протокол. Но зачем ее мозгу отделять старших слуг от младших? Сумасшествие какое-то.

Она сошла с ума. Или нет. И в этот момент Кендра не знала, что ее ужасало больше.

* * *

Столовая была уже полна людей разного возраста. Миссис Дэнбери стояла по стойке «смирно» во главе стола, рядом с пожилым мужчиной, который казался практически таким же чопорным, как и домоправительница.

Кендра подошла к одному из свободных мест за столом. Так как все ели стоя, она тоже не стала садиться, чувствуя на себе взгляд любопытных глаз, хотя все пытались делать вид, что не смотрят на нее. Женщина с острыми чертами лица и хмурым взглядом – по всей видимости, не слишком добродушная – неожиданно возникла рядом с ней.

– Вы перепутали место, мисс, – заявила она Кендре покровительственным тоном.

– Что?

– Мисс Бекетт – личная горничная леди Этвуд, мисс Донован, – объяснила ей миссис Дэнбери холодно. – В замке Эдридж мы придерживаемся особой иерархии за нашим столом. Будучи самой старшей горничной, мисс Бекетт наделена правом сидеть на этом стуле. Вы можете сесть за стол.

Кендра снова вспомнила о протоколе. Как в армии. Солдат не может сидеть рядом с генералом во время еды.

Не обращая внимания на самодовольную мину мисс Бекетт, Кендра двинулась в другой конец стола. Миссис Дэнбери и тот мужчина сели. По-видимому, это был сигнал, так как все остальные последовали их примеру.

Все тихо бормотали что-то, пока кашу вываливали в глиняные миски. Сливки выливали из глиняных кувшинов. Горячие булочки, размером больше кулака, но легче гелия, передавались вдоль стола. Мед, масло и варенье облетали собравшихся под звон ложек и ножей.

Кендра попробовала кашу. Хоть она бы никогда не выбрала ее на завтрак добровольно, она казалась неожиданно вкусной, особенно с каплей меда и порцией сливок. Она бы предпо-

чла кофе, но чай, нужно признать, был достаточно крепким и ароматным. А золотисто-коричневая булочка, смазанная маслом и вареньем, была лучшей за всю ее жизнь.

– Вы откуда прибыли, мисс Донован? – спросила симпатичная брюнетка по ее правую руку.

Кендра молчала в нерешительности, потом ответила:

– Из Америки.

– А откуда из Америки, мисс Донован? – спросила женщина, сидевшая рядом с брюнеткой. Кендра снова почувствовала себя в центре внимания всех сидевших за столом.

– Я живу в Вирджинии. – Может, она и была сейчас там же, в психиатрическом отделении, в кататоническом состоянии. Может, она так и не пришла в себя после того выстрела. Может...

– Никогда не встречала никого из Америки, – признался молодой человек в ливрее лакея, сидящий напротив нее.

– Как вы вообще попали в Англию, мисс Донован? – поинтересовалась женщина по ее левую руку.

– Не думаю, что вы мне поверите, если я скажу, что прилетела?

Женщина засмеялась. Несмотря на внушительное расстояние, разделяющее их, Кендра почувствовала неодобрение мисс Дэнбери, обрушившееся на нее, как удар кнута.

– Если только покажете нам свои крылья, мисс Донован! – заявила женщина.

– Вы, должно быть, прибыли вчера поздно вечером, мисс Донован, – продолжила брюнетка. – Вчера я вас не видела. Конечно, мы все вчера бегали как сумасшедшие, чтобы всех разместить. Эти праздники довольно утомительны, не правда ли? Я мисс Стэнтон, кстати. А это мисс Берк. – Она кивнула на другую женщину. Когда она представилась, это развязало языки остальным, все принялись называть свои имена. Кендра вежливо кивала, но голова у нее шла кругом. Хотя у нее никогда не было проблем с памятью, она сомневалась, что сможет за пять минут запомнить все эти имена. Было ли это симптомом ментальной нестабильности?

– Кто ваша леди? – спросила ее мисс Стэнтон.

– Что? А. Хм. У меня их две: Джорджина Нокс и Сара Родон.

– О боже, – в голосе женщины прозвучало сочувствие.

– Это плохо, да?

– Могу предположить, что могло быть и хуже.

Отлично. Кендра подумала, специально ли миссис Дэнбери назначила ее на худшую позицию, надеясь, что она не выдержит и сбежит.

Спустя некоторое время сидящий во главе стола дворецкий – мистер Хардинг, как выяснила во время завтрака Кендра, – и миссис Дэнбери тихо встали, обозначив тем самым окончание трапезы. Новый сигнал. Все поднялись из-за стола. Кендра последовала за горничными на кухню и спустя пять минут уже несла поднос, гнувшийся под тяжестью двух миниатюрных чашек и чайника горячего шоколада, вверх по лестнице в Голубую комнату, которую разделяли мисс Джорджина и мисс Сара.

К тому времени, как она нашла комнату с помощью нескольких встретившихся ей на пути лакеев, она наконец скрепя сердце начала рассматривать третий возможный вариант развития событий, каким бы невероятным он ни казался.

Каким-то безумным образом она все-таки переместилась назад во времени.

9

Кендру немного покачивало, поэтому она убедилась, что твердо держит поднос, прежде чем открыть дверь в Голубую комнату. Ей пришлось задействовать все свои способности к самоконтролю, чтобы *не* думать о своем положении и сконцентрироваться только на обязанностях, которые ей навязали. Когда она закончит с этими делами, она найдет тихое место и подумает, как ей справиться с этой странной ситуацией – и *может ли* она вообще с ней справиться.

Эта неопределенность заставила ее снова затрястись от паники. Но, черт возьми, она не даст ей взять верх. С тех пор как ей исполнилось четырнадцать, она чувствовала, что может позаботиться о себе. Она справится и с этим. Ей просто нужно было немного *подумать*.

Она сделала глубокий вдох и выпустила воздух, сосредоточившись на том, что ее окружало. Комната была практически полностью темной и в четыре раза больше комнаты, которую она разделяла вчера ночью с Роуз. На двух односпальных кроватях с балдахинами из толстой бархатной ткани, занавешенных лишь частично, покоились спящие гости.

Она не до конца понимала, что ей делать, поэтому просто поставила поднос на ближайший столик. Так как никто не пошевелился, она пересекла комнату и открыла тяжелые занавески. Она увидела, что туман рассеялся и цветочный сад внизу золотится в мягком свете утреннего солнца.

Наконец раздался скрип кровати, и кто-то зевнул. Кендра повернулась и увидела, как одна из девушек приняла сидячее положение. На ней была сорочка, благопристойно застегнутая до самой шеи, и ночной чепчик на голове. Светлые волосы, завязанные папильотками, выбивались из-под кружева чепца.

– Джорджи, просыпайся, – приказала она своей подруге. Она посмотрела на Кендру. – Вы кто?

– Я Кендра Донован. Ваша горничная.

– Хочу свой шоколад.

Повелительной тон задел и без того голые нервы Кендры, но она тем не менее принялась разливать горячий шоколад.

– Я сегодня надену свое желтое муслиновое платье, – сказала девушка, приняв чашку и соусник.

– Я тоже хочу шоколад, – сказала другая девушка, Джорджи, когда Кендра двинулась в сторону гардероба.

Сменив направление и снова повернувшись к котелку, Кендра налила еще одну чашку. Она поднесла ее девушке, на которой была такие же сорочка и чепчик, как и на ее подруге.

– А мне что надеть сегодня утром, Сара? – спросила она, попивая свой шоколад. – Я думала о голубом утреннем платье, которое мне подарил папа. Оно очень прелестное.

– Хм. Я думаю, тебе нужно надеть зеленое муслиновое платье.

– О. Но как же леди Луиза? У нее необыкновенная любовь к зеленому.

– Леди Луиза похожа на жабу в зеленом, – отозвалась Сара об этой неведомой женщине с холодным пренебрежением. Она подняла фарфоровую чашку, и ее голубые глаза злобно сверкнули, когда она сделала глоток. – Кстати о жабах, мне не верится, что леди Ребекке хватило наглости заявиться на вчерашний ужин. Меня прямо-таки затошнило, когда меня посадили напротив нее!

Джорджина захихикала:

– По-моему, она крестница герцога.

– Даже если так, им нужно быть более осмотрительными в выборе гостей, – Сара перевела свой взгляд на Кендру и подняла бровь. – Скажи на милость, а ты что стоишь тут как вкопанная? Я же сказала: мне нужно желтое муслиновое платье.

Кендра подумала, что это, скорее всего, происходит наяву, она же не мазохистка, чтобы придумывать такое.

Открыв тяжелые двери шкафа, она оглядела невероятное количество пышных платьев, висевших на крючках по несколько штук на каждом. Странно, что такая незначительная деталь, как отсутствие вешалок, заставила ее сердце снова учащенно биться в груди. И тут она вспомнила – наверное, когда-то об этом читала или где-то слышала, – что деревянные вешалки не были в широком употреблении вплоть до 1869 года. А проволочные плечики появились только спустя еще девяносто лет. Если у нее нервное расстройство, может ли ее разум придерживаться такой исторической точности?

Боже, она не знала ответ на этот вопрос. Она достала первое попавшееся желтое платье. – Я же сказала, желтое муслиновое, желтое *муслиновое*, глупая девчонка!

С трудом сдерживая свой гнев, Кендра повесила обратно желтое платье и принялась просматривать остальную одежду. Найдя еще одно желтое платье, она вытащила его:

– Вот это?

Сара закатила глаза:

– Ну конечно. Что ты за горничная такая? Ты же даже не француженка, – она посмотрела на свою подругу. – Такой влиятельный человек, как герцог Эдриджский, мог бы нанять французскую горничную для своих гостей. Ну, или хотя бы швейцарскую.

Джорджина издала какой-то звук в знак согласия.

– А я надену зеленое муслиновое платье, – хоть ей не удавалось до конца пародировать тот же повелительный тон, что у другой девушки, она все же была близка к этому.

Если бы эта ситуация не была такой серьезной и странной, Кендра бы засмеялась над такой иронией. Где она оказалась? Некогда вундеркинд, самый молодой агент, которого когда-либо брали в «Куантико», сейчас она позволяла приказывать себе каким-то двум чванливым дебютанткам.

Девушки вылезли из кроватей и исчезли за ширмой. Когда они снова появились, Кендра нашла зеленое платье. Она ждала, пока они сбросят свои ночные сорочки и наденут белье, чулки и подвязки. Ей нужно было завязать корсеты обеим девушкам, а затем помочь им надеть платья. Когда одежда обеих девушек была приведена в порядок, Сара резко придвинулась к туалетному столику с зеркалом.

– Ну? – Она посмотрела на Кендру в зеркале. – Черт возьми. Перестань спать уже! Мне нужна высокая прическа.

Кендра застыла. *Высокая прическа?* Она же не парикмахер. Ее собственные волосы, густые и идеально прямые, требовали лишь небольшого ухода. До ранения она всегда носила хвостик. После... ну, она лишь ждала, пока они отрастут, а затем просто пошла к мистеру Джери в его престижный салон в Джорджтауне, чтобы ей там сделали прическу.

– Ты чего ждешь, глупая девчонка?

«*Что за манеры у девушек этой эпохи?*» – Кендра задалась этим вопросом, пытаясь не произносить ничего вслух. Она подошла к Саре и начала снимать с ее волос папильотки. Черт возьми, что надо сделать, чтобы зашпилить пару локонов?

Спустя сорок пять минут Кендре пришлось признаться самой себе, что она точно не мистер Джери и предпочла бы встретиться с дюжиной психопатов, чем пережить еще один такой сеанс усмирения непослушных волос с помощью всего лишь пары лент и старомодных шпилек, которые представляли собой скорее короткие тоненькие проволочки, еще и под нескончаемые словесные оскорбления от девушки, которая, возможно, не была способна решить даже элементарные математические задачи.

«*Черт поберу*», – только и смогла она выругаться про себя, когда еще одна тонкая прядь выскользнула из греческого пучка, который она пыталась сделать Саре.

– О боже! Да что ты за горничная? – закричала Сара сердито. – Если бы ты принадлежала моей семье...

– Заткнись. – Эти слова сорвались у нее с языка, прежде чем она это осознала. Хоть огрызаться в этой ситуации было не лучшим выходом, где-то в глубине души Кендра почувствовала облегчение.

Сара выпучила глаза:

– Да как ты посмела! Как ты...

– Я же сказала, *заткнись*. – Заварил кашу, не жалея масла, решила Кендра. – Если хотите успеть спуститься вниз к завтраку, молчите, пока я тут заканчиваю. И, черт возьми, прекрати ерзать!

– Ау!

– Сказала же, прекрати ерзать.

– Я...

– Вот! – Кендра воткнула последнюю шпильку и хмуро оглядела прическу. Может, немного кривобоко, но, если эта идиотка не будет слишком много трясти головой, она *должна* держаться. – Закончила!

Сара встала, шурша юбками.

– Это с тобой покончат, – пообещала она, сверкая глазами, – когда я поговорю с графиней...

– Я сказала тебе, заткнись. – Она показала расческой на Джорджину. – *Садись* теперь ты. Джорджина уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

– Быстрее!

Девушка села.

– Как... как ты смеешь с нами так разговаривать! – пробормотала Сара.

Кендра не ответила ей и принялась за папильотки Джорджины:

– У меня закончились шпильки, так что я завяжу твои волосы лентой.

– Но...

– Либо так, либо никак.

– Но...

– Это возмутительно! – Сара скрестила руки, яростно стукнув ножкой, уставившись на Кендру.

Кендра не обратила на нее внимания, сконцентрировавшись вместо этого на расчесывании локонов Джорджины. Когда она вытащила ленту, девушка завизжала:

– Но она же не подходит к моему платью!

– О боже мой! – Кендра отложила ленту, выбрала вместо нее зеленую и завязала волосы девушки назад в конский хвост.

– Графиня узнает об этом! – пригрозила Сара. – Тебя уволят без рекомендаций! Будешь просить милостыню на улицах! Тебя отправят в работный дом! Тебя...

– Да-да. Поняла. Ваш завтрак там, наверное, уже остыл, – резко прервала ее Кендра и почувствовала злобное удовлетворение, увидев, как грудь девушки поднялась от негодования. Ее лицо было таким красным от гнева, что, если бы она была старше и тяжелее, Кендра бы побоялась, что с ней случится приступ.

– Пойдем, Джорджи! – Сара практически прорычала эти слова и ринулась из комнаты, при этом ее прическа опасно подпрыгнула.

Кендра подождала, пока девушки уйдут, и опустилась в кресло. Она обняла руками пульсирующую голову. Ей хотелось проснуться от этого кошмара. *Сейчас же*.

– Мисс Донован?

Она подняла голову, встретившись глазами с сочувствующим взглядом мисс Стэнтон, когда та просунула голову в дверь.

– Дорогая, – она цокнула языком и пересекла комнату. – Я видела, как ушли девушки. Они были просто ужасны? Вы выглядите изможденной.

Кендра в смятении провела пальцами по волосами и ответила:

– Могло быть и хуже, наверное, – по правде, она так не думала. – Но я рада, что все позади.

Мисс Стэнтон удивленно подняла брови:

– Позади? Моя дорогая мисс Донован, все только началось.

Кендра почувствовала, как у нее внутри все упало:

– В смысле?

– Ваши обязанности, мисс Донован. День только начался. Если леди захотят прогуляться в саду, им, без сомнения, нужно будет переодеться в одежду для прогулок. Им как минимум потребуются их шляпы и шали. Если они захотят покататься верхом, вам нужно будет помочь им с одеждой для верховой езды. Затем они, скорее всего, пожелают переодеться в одежду для второй половины дня, а потом и в вечерние платья. А вы, мисс Донован, должны будете им в этом помочь, – продолжила мисс Стэнтон. – Вам нужно будет чинить и гладить их одежду, поправлять им прически.

Кендра вздрагивала от каждой фразы мисс Стэнтон, они были будто удары бейсбольной битой промеж глаз. На какую-то ужасающую долю секунды она представила, как работает горничной несколько дней, недель... лет.

Ну уж нет.

– Вы куда, мисс Донован?

Кендра не осознала, что встала и пошла, пока не почувствовала, как сжимает дверную ручку. Она оглянулась на горничную. «Боже, как она вообще живет вот так?» – подумала она, даже не подозревая, какая безумная темнота сквозила в ее взгляде.

– Домой. Мне нужно домой.

* * *

К счастью, кабинет был пуст. Кендра двинулась напрямик к скрытой двери. Ее руки тряслись, когда она отодвигала гобелен. Только когда дверь отворилась, она почувствовала сомнение, коварный страх, который крался по ее спине.

Путешествие во времени. Абсурд. Невероятно. Но вот она стояла тут, застрявшая посреди невероятного. Отказавшись от версий об опухоли мозга, психическом расстройстве или розыгрыше, Кендре пришлось поверить в то, что она только что провела утро в девятнадцатом веке.

Теоретически путешествие во времени *возможно*. Альберт Эйнштейн выдвигал теорию о том, что гравитация была достаточно сильной, чтобы гипотетически вызвать искривление в пространственно-временном континууме, заставив время в прямом смысле закольцеваться. Были сумасшедшие любители научной фантастики, которые даже верили, что в мире существуют естественные гравитационные горячие точки, которые могут создавать такой водоворот пространства и времени и позволять людям путешествовать во времени. Но это научная *фантастика*, черт возьми.

Конечно, проводились эксперименты, которые, в принципе, доказали, что путешествие во времени возможно. В 1971 году ученые Дж. Хафеле и Ричард Китинг поместили невероятно точные атомные часы, которые обладали возможностью измерения времени с точностью до миллиардной доли секунды, на авиалайнеры, летевшие со скоростью 600 миль в час. Используя точно такие же атомные часы, установленные для сравнения в Военно-морской обсерватории США, они зафиксировали, что на часах на борту лайнеров наносекунды времени были одно-

временно набраны и потеряны. То есть, если бы кто-то находился на борту лайнеров, он бы мог на наносекунду оказаться в будущем и снова в прошлом.

Но между путешествием на наносекунды и *века* большая разница. Такое не может быть возможным. Однако раз она стояла сейчас здесь, она наверняка столкнулась с одной из таких предположительно существующих гравитационных горячих точек. Вероятно, это могло объяснить непроглядную темноту, головокружение, боль... ощущение того, что ее тело распухает и растворяется, *исчезает*?.. И, если в проходе скрывался такой водоворот, он и был ее обратным билетом.

В этой теории было много несостыковок, Кендра понимала это. Например, если бы за этой дверью скрывался такой водоворот, то, наверное, герцогу приходилось бы регулярно сталкиваться с потоком людей, которые неожиданно появлялись и так же неожиданно исчезали. Но она не хотела думать об этой несостыковке. Она *просто хотела домой*.

Все же Кендра медлила, прежде чем скрыться за этой дверью. Все у нее внутри сжалось от неприятного чувства тревоги. Это был мучительный процесс с физической точки зрения. Невыносимый. Но не это вселяло в нее нерешительность. Она готова была вынести эту боль, если знала бы наверняка, что в итоге сможет вернуться в свое время.

В этом и был вопрос: вернется ли она домой? Или же ее унесет глубже в прошлое или дальше в будущее? Будущее она бы еще пережила. Но что, если она окажется в семнадцатом веке? Пятнадцатом веке? Этот век по крайней мере знаменовал начало современной эпохи.

Кендру удивила абсурдность ее мыслей. Вчера, если бы кто-то сказал ей, что она будет волноваться по поводу перемещения куда-то во времени, она бы посмеялась и засомневалась бы в здравом уме такого собеседника. Теперь же это *ее* здравый ум был под вопросом.

Она запустила пальцы в волосы, выпрямила спину. *Хватит тянуть*. Она глубоко вдохнула и подошла к двери.

10

Лестничный пролет утопал в темноте.

Но это была не та абсолютная, неестественная тьма, с которой она столкнулась прошлым вечером.

Было холодно.

Но это был обыкновенный холод.

Она медленно поднималась по лестнице, желая, чтобы темнота сгустилась, температура упала, а проход вновь обрел те сверхъестественные свойства, которые она ощутила в тот раз, но так и не поняла.

Чувствуя себя немного Дороти в ее ярко-красных туфельках, Кендра закрыла глаза и задержала дыхание.

Нет места лучше дома, это точно. Она отказалась от своего дома, когда создавала себе новые документы и банковские счета, когда поставила перед собой цель убить сэра Джереми. Может, это карма?

Ей казалось, что голова закружилась. Появилась надежда... и тут она поняла, что гул в ее ушах был вызван не какой-то паранормальной электромагнитной заряженностью в воздухе, а тем, что она до сих пор задерживала дыхание. Чувствуя себя ровно настолько глупой, какой ее считала Сара, она со свистом выпустила воздух и облокотилась на холодную каменную стену. Головокружение сменила ярость.

«Это сумасшествие! Просто настоящее сумасшествие!» – подумала она, поднялась еще на несколько ступеней и отчаянно ударила ладонью о каменную стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.